

7я

9. 2011

СЕМЬЯ И ШКОЛА

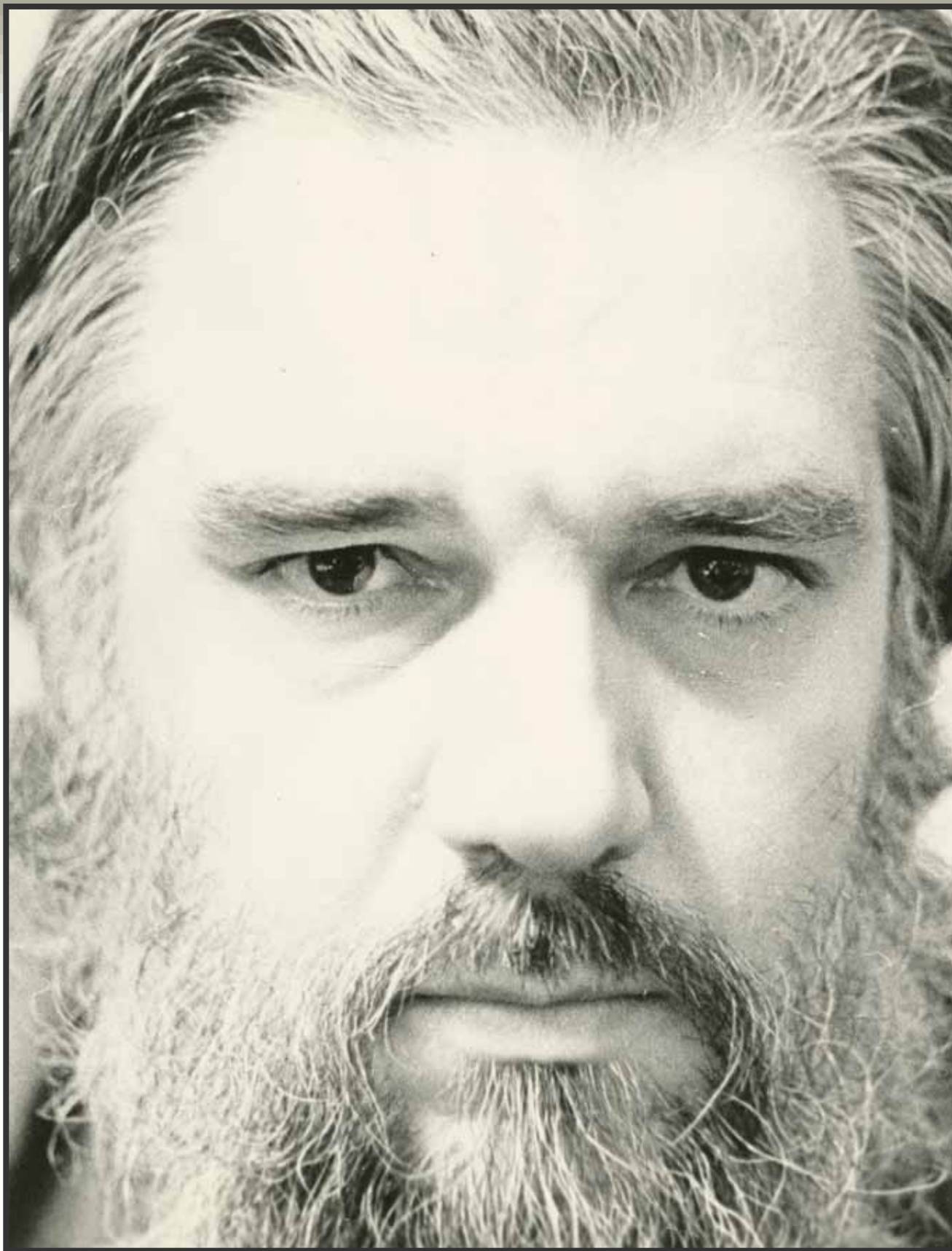
Совесть,
благородство
и достоинство
страница
4

Дети в чёрном
страница
18

Маски Дали
страница
22

Кейт ДиКамилло —
чудо и праздник
страница
30

журнал для родителей

24 августа 2011 г. на семьдесят пятом году жизни скончался Петр Ильич Гелазония, главный редактор «Семьи и школы», человек неисчерпаемой эрудиции, пронизательного ума и абсолютной честности. Он работал буквально до последней минуты: вечером поставил точку в восьмом номере, а ночью его не стало. «Семья и школа» в полном и невероятном смысле была делом его жизни. Он начал работать в журнале вскоре после того, как в 1958 г. его,

ученика выдающегося философа Г. П. Щедровицкого, за вольнодумство исключили с четвертого курса философского факультета МГУ и из комсомола. Был сначала заведующим отделом, затем ответственным секретарем и, наконец, с 1997 г., бессменным главным редактором.

Этот номер посвящен памяти Петра Ильича и состоит из материалов, подаренных авторами, как цветы, из которых сплетен мемориальный венок.

Журнал
для родителей
Основан
в 1871 году
Возобновлён
в 1946 году

ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

И. о. главного редактора
Н. С. Мавлевич

Редакция журнала:

Т. Я. Кедрина
(досуг и быт),

Л. А. Александрова
(художественный
редактор),

Л. Ф. Осипова
(культура),

В. А. Рыбаков
(развитие
и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валериус

Предпечатная подготовка:
И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Т. К. Чулкова

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала «Семья и школа»
Свидетельство о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7, строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300 город Чехов Московской области
e-mail: marketing@chpk.ru
Сайт: www.chpk.ru
Телефон: 8 (495) 988-63-87
Факс: 8 (496) 726-54-10

№ 9 (сентябрь) 2011
Подписано в печать 6 октября 2011 года.
Формат 60 × 90/8. Печать офсетная.
5 печ. л. Тираж 2700 экз. Заказ

В розничной продаже цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2011

Ряд районных и сельских библиотек
в нескольких регионах России
получают журнал благодаря
финансовой поддержке Фонда Ельцина.

В номере:

In memoriam

Андрей Хржановский
О моем друге

2

Геннадий Красухин
**Совесь, благородство
и достоинство**

4

Валерий Рыбаков
Памяти Петра Гелазония

10

Кажется, из самого воздуха изъята
какая-то драгоценная частица, столь
необходимая для ощущения полноты
жизни. Примирить с этим может
только благодарная память о друге

Советы и рекомендации

Елена Никитина
**Дети в черном, без ажюра,
на пуговицах**

18

Отмена в начале 90-х советской
школьной формы расколола общество
на две части. С тех пор прошло два
десятилетия, споры утихли, а школьная
форма осталась. Но приобрела
какой-то странный вид и смысл

Повод к размышлению

Наталья Мавлевич
Шаг в будущее

14

Интерактивность — не просто мод-
ное словечко, это рычаг, с помощью
которого можно перевернуть
неповоротливую школьную телегу

Борис Бим-Бад
**Хочу не делать, но делаю,
хочу делать, но не делаю**

16

Как это возможно, чтобы кто-то
поступал иначе, чем так, как он же
сам считает правильным и лучшим?
Вот пришел к резонному решению,
но не осуществил его. Почему?
Слабость воли? Конфликт мотивов?
Невоздержанность, изнеженность,
избалованность?

Юлия Корчагина
Бомжиха

21

«Я шла по улице с прямой спиной
и старалась не плакать. Потому что
если заплачешь, то преследовать
будут долго, до самого дома. Лучше
делать вид, что ничего не слышишь,
и тогда они скоро отстанут»

Чтение

Лия Осипова
Маски Дали

22

На выставке «Сальвадор Дали»
в ГМИИ им. А. С. Пушкина
представлены произведения
живописи, графики, объекты,
уникальные фотографии

Фрида Вигдорова
Девочки (дневник матери)

24

Продолжаем публикацию книги
замечательной писательницы,
педагога, публициста

Ольга Варшавер
**Кейт ДиКамилло —
чудо и праздник**

29

В этих книгах есть материал
для обсуждений и споров, для за-
душевной общесемейной беседы.

Роза Хуснутдинова
Три рассказа

31

«Над Лужниками парила в воздухе
некая громада свинцового цвета.
Поначалу я принял ее за тучу, но
потом увидел, что — нет, не туча! Это
какая-то каменная глыба, основание
какого-то гигантского памятника»

Домашние занятия

Петр Гелазония
Лесная наука

38

Из грибного лукошка

39

О моём друге

Я дружил с ним без малого полвека.

В последние годы мы не виделись, общались только по телефону, но это никак не сказалось на моем ощущении Петра Ильича Гелазония как одного из самых близких и дорогих для меня людей. Вот и накануне того, как отправиться в путешествие на дальний восток — в Японию и на Сахалин, — я позвонил Петру Ильичу. «Чувствую себя нормально», — сказал он. Я слышал в трубке, как он трудно дышит, но знал, что своему правилу — не огорчать и не беспокоить друзей и близких — он не изменит до конца. И он взял с меня обещание позвонить ему сразу по возвращении.

Кто знал, что конец наступит так скоро и так внезапно: ведь мы всегда рассчитываем если не на бессмертие, то на долголетие тех, кого любим...

Мы познакомились в 1963 году. Наша общая приятельница, зная, что я нуждаюсь в каком-либо заработке, подумала, что журнал «Семья и школа», в котором работал Петр Ильич, и есть то место, где я могу попробовать свои силы как автор очерков или репортажей.

Помню гостеприимный дом в конце Хорошевского шоссе — кажется, он был из тех, что строили после войны пленные немцы.

Кстати, во время службы в морской пехоте в 1969–1971 гг. я приезжал в составе парадного расчета в Москву. Парадная площадка, где располагались войска и проходили тренировки, находилась на Ходынском поле за аэровокзалом и тыльной своей стороной выходила как раз к дому П. Гелазония, так что в этот период я появлялся в доме на Хорошевке, гремя подковами сапог и «благоухая» сермяжным запахом ремня и портупей, особенно часто.

Я знал, что у Петра было немало авторов и сотрудников, которых он высоко ценил. Возможно, с кем-то из них, и не только из них, он дружил. Но дружил, так сказать, отдельно, не желая посвящать в свою дружбу третьих лиц.

Я же, в силу особенностей своего характера, не мог отказать себе в удовольствии поделиться своими дружбами с новым другом. Так Петр Ильич вошел в круг моих друзей. Я имею в виду друзей не многочисленных, а самых близких. С первого же знакомства Петр Ильич сделался любимцем моих родителей, а затем и моих старших друзей — Эраста Павловича Гарина и его жены Хеси Александровны Локшиной.

Иногда Петр заказывал мне какие-то материалы для своего журнала. Впоследствии, когда я более или менее «встал на ноги», сперва получив постоянную работу на киностудии, а затем оказавшись на довольстве в воинской части, я перестал остро нуждаться в приработке. Но вот возник момент, когда уже сам П.И. обратился ко мне с просьбой помочь журналу и время от времени писать для него что-нибудь.

Я делал это всегда с удовольствием. Более того, в привычку вошло на все смотреть глазами «собственного корреспондента», и сплошь и рядом, видя что-нибудь интересное в своих путешествиях или переживая яркие впечатления, ловил себя на мысли: «Надо бы это попробовать изложить на бумаге... для Петра».

Дружба предполагает обычно общие увлечения. Для кого-то это походы в баню, для кого-то рыбалка, охота, да и просто совместные посиделки за бутылкой.

Для нас с Петром таким увлечением был футбол.

Надо сказать, что увлечение это, продлившееся до последнего времени — с ворчаньем по поводу

того, что нынче «все не так», начиналось тогда, когда на стадионе «Динамо» не было пластмассовых сидений «Интеки», с помощью которых так легко можно инсценировать ледовое побоище из фильма «Александр Невский». Зрители представляли собой не звероподобное скопище фанатов, а, по большей части, настоящих ценителей игры, уважительно относящихся и к команде соперника, и к соседям по трибуне.

Петр Ильич был одним из самых тонких знатоков и ценителей футбола. Он прекрасно разбирался и в вопросах тактики, и в технике, и в психологии. Хорошо помню матчи, которые мы смотрели плечо к плечу, на деревянных скамейках Северной трибуны душным московским летом или прохладной осенью, когда мы приветствовали друг друга как паролем стихами К. Ваншенкина:

Особый привкус есть в осенних матчах,
Где в первом тайме, как и во втором,
Прожектора, зажженные на мачтах,
Как бы дымятся в воздухе сыром...

У нас были свои любимцы, к которым относился защитник Аничкин по прозвищу «Анюта», а также полузащитник Валерий Маслов, прозванный за свой высокий голос, которым он любил покричать на поле, «Марией Ивановной» (это прозвище напоминало нам Аделаиду из гоголевских «Игроков»).

Но самым любимым — и по игре, и по нраву, и по тому, как он вел себя на поле, был, конечно же, Лев Яшин.

Смотрели мы футбол и по телевизору и вместе переживали острейшие мгновения: когда Яшин взял пенальти, пробитый итальянцем Маццолой, или когда другой наш любимец Игорь Численко по прозвищу «Число» в матче чемпионата мира в Лондоне врзал по ногам немцу Беккенбауэру, за что был удален с поля. (Первый матч, помнится, мы смотрели на Хорошевке, второй — на Мансуровском, включив в наши переживания моих родителей, души не чаявших в моем Петре.)

Петр был, возможно, лучшим редактором из всех, с кем мне доводилось иметь дело. Он мог и «довести» материал, если он казался ему не слишком удавшимся, причем делал это чрезвычайно деликатно, подсказывая сюжет или акценты, которые оживляли текст. А если производил, с разрешения автора, какие-то сокращения или вставки, то всегда это было снайперски точно.

Деликатность вообще была отличительным свойством П.И. Он имел обо всем свое непреклонное мнение, будь то политика, или журналистика, или искусство. Но никому его не навязывал. Более того, высказывая это свое мнение, он имел привычку в конце фразы произносить междометие «а» с какой-то полупросительной интонацией: «Это замечательная книга, а?», «Прекрасный фильм, а?»

Дескать, если хочешь, можешь поспорить со мной. Так что в этой деликатности была и готовность выслушать мнение собеседника, и какая-то еле уловимая самоирония.

Я не помню каких-либо существенных расхождений с Петром во мнениях и вкусах.

Зато помню то, что нас сплотило в начале нашей дружбы: увлеченность молодой нашей тогдашней поэзией, песни Б. Окуджавы, Ю. Кима, «Новый мир» А. Твардовского, спектакли Ю. Любимова на Таганке... Одной из наших общих любовей был Пастернак. Я помню, как радовался П.И. моему подарку — книге стихов Б. Пастернака 30-х годов...

Редакция «Семьи и школы» находилась тогда на Погодинке. По моим расчислениям, на месте бывшей усадьбы литератора М. Погодина, друга А. С. Пушкина.

Я знал, что там бывали, кроме Пушкина, еще и Гоголь, и Лермонтов. Там варили неизменную гусарскую жженку, горевшую синим пламенем, из-за чего, по сходству с голубыми мундирами Третьего отделения, ее называли иногда «Бенкендорфом».

Петр с живым интересом выслушивал эти мои «исторические параллели» и, стараясь не отставать от традиций вольнолюбивой жизни, устраивал в журнале литературные чтения и выступления бардов. Так, помнится, первое мое знакомство с творчеством Юлия Кима состоялось именно на Погодинке, в редакции журнала «Семья и школа».

Я уже говорил, что мы, не в пример нынешним молодым участникам построения капиталистического общества, всерьез увлекались поэзией. Причем не только отечественной. Помню, среди многочисленных поэтических сборников вышел и такой, который был посвящен персидской поэзии. И там, в предисловии, в качестве примера завораживающего в оригинале звучания стихов Рудаки, начинавшихся словами: «Плещет, блещет Мулиен...» приводилась по-русски транскрипция оригинального звучания:

Буи, джуи, Мулиен, ояд хаме,
Еди, Ери, Мехрубон, ояд хаме...

Нам настолько нравились эти восхитительные звуки, что они стали паролем при начале наших телефонных разговоров. «Буи джуи?» — вопрошал тот, кто звонил. Это было как «How are you?» И вместо положенного: «Fine. And you?» в ответ раздавалось: «Мулиен, ояд хаме»...

Горько, что теперь все чаще на ум приходят стихи другого персидского поэта, процитированного А. С. Пушкиным:

Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

После того, как я сделал свой первый фильм (в 1966 году), Петр принял живейшее участие в поисках темы для моих новых работ.

Я до сих пор жалею, что не смог воплотить его подсказки: поэтичную вещь Рэя Бредбери «Включите ночь» и сказку д-ра Сьюза «Слон Хортон слышит кого-то» с рефреном, который мы не уставали повторять:

Пусть личность не больше, чем глаз муравья,
Но личность есть личность, так думаю я...

Как-то мы с Петром навестили моего друга Гену Шпаликова в Черемушках. Результатом этой встречи стала публикация в «Семье и школе» стихотворения-сценария Г. Шпаликова для мультфильма «Сто ворон и еще один сурок». Там были такие строки:

Буря мглою — мы без света,
Небо кроет — все впотьмах!
Ни привета, ни ответа,
И волнение в умах!

Г. Шпаликов часто цитировал в своих стихах Пушкина, и я должен признаться, что русская поэзия была для нашего круга естественной средой существования — куда более естественной, чем наша тогдашняя действительность.

Связь с историей, потребность в этой связи была органическим свойством Петра Ильича не только как журналиста (что может обнаружить каждый, взяв в руки наугад любой номер «Семьи и школы»), но и как человека.

Помню наши многочисленные прогулки — иногда в обществе Э. П. Гарина — по «нашим» местам: редакция, как я уже сказал, помещалась на Погодинке, я жил в Мансуровском переулке между Остоженкой и Пречистенкой (в те времена — Метростроевской

и Кропоткинской), Гарины — на Смоленском бульваре, так что весь ареал от Пироговки, Девичьего поля, Пречистенки до арбатских переулков и старого Арбата с двусторонним в те времена движением авто и троллейбусов мы считали своим.

Эти прогулки, как правило, проходили в беседах. Гарин рассказывал удивительные вещи о художественной жизни 20-х — 30-х годов. Он тогда писал книгу воспоминаний, и мы с Петром были первыми, с кем он решил поделиться:

— Я придумал название для книги.

— ??

— «С Мейерхольдом».

Петр чаще всего молчал. Так что однажды Гарин сказал мне:

— А этот ваш приятель — умный.

— Я с вами согласен, Эраст Павлович. Но почему вы сделали такой вывод?

— Потому что молчит...

Помню, однажды мы дошли до Арбатской площади, свернули на Никитский бульвар и зашли в дом графа Александра Толстого, где комнаты в нижнем этаже занимал Гоголь. В этом доме он и умер, незадолго до смерти здесь же, в камине, сжегши второй том «Мертвых душ».

В темных сенях мы подробно «прорабатывали» мизансцену этой драматической сцены...

...Не проходит и дня, чтобы я не вспоминал с нежностью и любовью Петра Ильича. Кажется, из самого воздуха изъята какая-то драгоценная частица, столь необходимая для ощущения полноты жизни. Примирить с этим, помимо мысли о будущей встрече, может только благодарная память о моем дорогом друге.

Совесь, благородство и достоинство

Печататься с критическими статьями о современной литературе я начал еще студентом. Однако сразу устроиться в какой-нибудь печатный орган мне не удалось. Сперва меня пригласили в только что созданный Государственный комитет по радио и телевидению СССР на место редактора сценарной коллегии. Поначалу я взялся за работу с энтузиазмом, но потом остыл, распознав, что она в основном цензорская. Так что работал в Гостелерадио я недолго — чуть больше года, ушел в январе 1965-го по собственному желанию в никуда или, как тогда говорили, «на вольные хлеба».

Но жить только на гонорары оказалось невероятно трудно. И я искал штатного места.

Это оказалось делом очень не легким. Обещала «Комсомольская правда», обещала «Учительская газета», но места в их штате не освобождались. «Надо подождать», — говорили мне. Я ждал.

Дмитрий Леонидович Устюжанин, главный редактор журнала «Литература в школе», был очень доволен напечатанной у него моей статьей. Извинялся, что мало заплатили: гонорары в редакции низкие. А не хотел бы я поработать в журнале? Кем? Завом отдела литературы. Этой ставки пока у него нет, но ему ее обещают в министерстве. Если хочу, то пусть позвоню ему через неделю. Потом — еще через пару недель. Потом — еще. Я перестал звонить: если добьется ставки, позвонит сам. Он не позвонил. (Точнее, позвонил через несколько лет, позвал в замы. Но я уже работал в «Литературной газете». От добра добра искать не стал!)

Но именно Устюжанин (сужу по своим записям) сделал для меня очень хорошее дело, во многом определившее мою судьбу. Это он познакомил меня с Петром Ильичем Гелазония. Точнее, он ему позвонил и сказал обо мне.

А незадолго до этого Алла Шустикова из «Учительской газеты» сообщила, что журнал «Семья и школа» ищет человека на место заведующего отделом литературы. Я позвонил автору журнала, старому своему товарищу по литературному объединению «Магистраль» Гене Кагановскому (мы до сих пор изредка созваниваемся и общаемся). Он сказал, что ответственный секретарь журнала «Семья и школа» Петя Гелазония — его друг детства. Но хорошо бы, если б ему отрекомендовал меня кто-нибудь из весомых, влиятельных людей. Таких знакомых у меня не было. Я попросил сделать это Устюжанина. Тот охотно позвонил в журнал, и

Гелазония мне назначил встречу. На дворе стоял май 1965-го, и встретились с Петром Ильичем незадолго до наших дней рождений: мы родились с ним в мае в один и тот же день, но он — на три года раньше меня.

Нет, мне так и не привелось работать в этом журнале ни в штате, ни по договору. Точнее, договор был, но устный: я помогаю формировать литературный портфель журнала в ожидании штатного места заведующего отделом литературы, которое действующий (точнее, бездействующий) заведующий собирается освободить (потому и бездействует). Курирует отдел, к моему величайшему удивлению, Владимир Михайлович Померанцев, которого еще несколько лет назад не то что брать на работу, боялись вообще как проклятого. Владимир Михайлович мне потом рассказывал, как замолчал в его квартире телефон, как, зайдя знакомого, он первым переходил на другую сторону улицы, чтобы страшный поздороваться с ним человек не испытывал неловкости. Не все, конечно, прекратили общаться с Померанцевым, но многие. Еще бы! Дня не проходило, чтобы какой-нибудь печатный орган не проклинал статью Владимира Михайловича «Об искренности в литературе», одно из тех произведений, которые стоили Твардовскому его должности главного редактора «Нового мира». Сняли Твардовского в 1954-м, но и в 1955-м на Втором съезде советских писателей раздавались призывы исключить Померанцева из Союза писателей СССР. Не исключили, но не просто перестали печатать, а лишили любого литературного заработка (внутренних рецензий для издательства, выступлений по линии Бюро пропаганды писателей). И не только литературного: юрист по основной своей профессии, Владимир Михайлович пытался устроиться куда-нибудь хотя бы юрисконсультантом, но неизменно получал отказ.

Да и я, не так давно закончивший филфак МГУ, слушал там в лекциях о текущей литературе, которые читали нам преподаватели с кафедры, возглавляемой Алексеем Ивановичем Метченко, об ошибках журнала «Новый мир» Твардовского — прошлых и нынешних ошибках, потому что через четыре года Твардовского вернули на прежнее место главного редактора этого журнала, и он, по мнению Метченко, продолжил печатать литературу, «вполне сопоставимую с пресловутой (именно так!) статьей Померанцева».

Так вот — о своем радостном удивлении, когда узнал, что Владимир

Михайлович Померанцев является членом редколлегии журнала «Семья и школа». Как он туда попал?

Благодаря Петру Ильичу Гелазония, что, как выяснилось в дальнейшем, было не менее удивительно, потому что Петр Ильич и сам хлебнул лиха. Поверив в хрущевскую оттепель, на ее волне, он стал участником возникшего на философском факультете МГУ, где он учился, вольного общества, члены которого занимались углубленным изучением работ современных так называемых «антикоммунистических» западных философов. Нет, они их не восхваляли, они просто расширяли свои познания. Тем не менее, прознавшие про такое общество власти расправились с его членами весьма сурово. Кого-то арестовали и посадили, а Петю выгнали с последнего курса, так что прежде, чем попасть в «Семью и школу», он, женившийся еще в университете, немало намыкался с женой и двумя детьми.

Пока не оказался в поле зрения Алексея Георгиевича Орлова, бывшего заведующего Московским городским отделом образования, назначенного главным редактором «Семьи и школы». У старика Орлова были со Сталиным свои счеты: большинство его родственников репрессировали. И хотя сам Орлов не пострадал, но хрущевский доклад на XX съезде одобрил очень горячо. Жадно читал «Новый мир» Твардовского и был под огромным впечатлением от повести Солженицына. Каким образом он добился от министерства утверждения беспартийного Гелазония ответственным секретарем, я не знаю. Но, добившись этого, делил с ним и редакторские обязанности — прислушивался, подписывал почти все, что предлагал Петр Ильич. Внял он и желанию Петра Ильича ввести в редколлегию Померанцева, согласился, чтобы литературу в его журнале курировал тот не так еще давно бывший в глухой опале писатель.

Работать с Петром Ильичем оказалось легко и приятно, прежде всего потому, что мы были единомышленниками и хотели печатать хорошую литературу.

Другое дело, на каких правах мне пришлось работать в «Семье и школе» — на птичьих. Потому что журнал не нуждался в заведующем отделом литературы. Он там был. Это место занимал детский писатель Б.

Замислил, но не работал. Потому что обещал руководству: уйдет, как только найдет для себя что-нибудь подходящее. «Вот открывается новый журнал «Детская литература», — объяснял мне. — Скорее всего, Б. туда и уйдет, он в хороших отношениях с главным редактором Сергеем Петровичем Алексеевым. А не уйдет туда, перейдет в «Детгиз», где его тоже очень хорошо знают». Но время шло, а Б. никуда не

уходил. Его, очевидно, не слишком смущало, что стихи и проза для журнала добывал я, а деньги за это получал он.

Первым возмущился таким положением вещей Владимир Михайлович Померанцев. «Я сегодня же позвоню Орлову», — гневно сказал он. «Владимир Михайлович, — отвечаю, — вы меня поставите в неловкое положение. Ведь это именно я предложил Орлову, Игрицкому (заму главного) и Гелазония формировать литературный портфель журнала. Помимо прочего, — объясняю, — мне важно было выяснить, насколько далеко они могут пойти в публикациях». «Не важно, кто предложил, — ответил Померанцев. — Вы свое дело делаете хорошо. Удивительно, что им и в голову не приходит, что за это нужно платить!»

Но в тот же день мне позвонил Петр Ильич и сообщил, что завтра в издательстве «Просвещение» («Семья и школу» выпускали там) я могу получить некие деньги, которые мне писали за формирование литературного раздела журнала. «Деньги небольшие», — извиняющимся тоном сказал он. Я позвонил Померанцеву. «Ну, слава Богу, — обрадовался он, — что в журнале есть такие совестливые люди, как Петр Ильич».

Платили мне за эту работу действительно смехотворные суммы. Когда — 25 рублей, когда — 15. Но, пребывая на вольных хлебах, радуешься каждому рублю. Куда значительней оказывались мои духовные обретения. За дело я взялся с большой охотой. В первые же дни связался с Майей Ганиной, Еленой Ржевской, Виктором Драгунским, Булатом Окуджавой, Владимиром Амлинским, Андреем Битовым, Борисом Балтером, Львом Кривенко (с подачи Балтера), Олегом Чухонцевым, Варламом Шаламовым (с подачи Чухонцева), Василием Аксеновым, Юрием Трифоновым, Наумом Коржавиным, Станиславом Рассадным, Бенедиктом Сарновым, Максом Бременером (с подачи Сарнова), Евгением Винокуровым, Юрием Левитанским, Давидом Самойловым, Владимиром Корниловым, Эльмирой Котляр. С большинством из них я знаком не был. Но почти все отзывались. Материалы давали охотно. Казалось бы, кто знал «Семью и школу», кто ее читал? Ан нет, слухи о хороших публикациях быстро захватили тогдашнюю интеллигенцию, и вот уже со мной связываются сами авторы, предлагают материалы. Звонит из «Нового мира» заведующая отделом прозы Анна Самойловна Берзер: у нее в портфеле есть вещи, которые, может быть, нам подойдут. Я ездил к авторам домой. Иные приезжали ко мне. Со многими из них у меня на всю последующую жизнь сохранялись хорошие, а то и дружеские отношения. Невзирая на то, что далеко не все из принесенного мной в журнал, удалось напеча-

тать. И на то, что напечатал журнал далеко не всех моих будущих друзей.

Ну, Булата Окуджаву, положим, я знал еще по литературному объединению «Магистраль». Он так же, как и я, любил посещать эти руководимые поэтом Григорием Михайловичем Левиным занятия. Порой невероятно интересные. «Магистраль» не зря именовали малым Союзом писателей. Состав участников был очень сильным. Уже наблюдать их становление было делом увлекательным. А тут еще Григорий Михайлович устраивал вечера, которые наверняка в то время собирали бы большой зал Центрального дома литераторов. Встречи с Борисом Слуцким, или с Назымом Хикметом, или с Даниилом Даниным, или с Давидом Самойловым. Да и довольно частые (участник же!) встречи с Булатом Окуджавой. Нам, своим коллегам по объединению, он пел охотно. «Сегодня — только новые!» — предупреждал он, склоняясь над гитарой, лежащей на его полусогнутой ноге, которую он установил на стуле. И мы, замирая от наслаждения, впитывали в себя эту божественную звучащую поэзию, горячо ее обсуждали и неизменно просили повторить песни или исполнить уже нам знакомые. В этом Булат редко нам отказывал. Он щедро дарил другим свое искусство, и, по-моему, сам наслаждался собственной щедростью. Повесть для «Семьи и школы» дал мне, присовокупив, усмехнувшись: «Она как раз о семье и школе». Хотя убежденно сказал: «Вы это напечатать не сможете!» «Посмотрим!» — отозвался я.

Петя Гелазония прочитал и загорелся: «Напечатаем! Надо только, чтобы он убрал эту фразу». Он подчеркнул карандашом фразу, где сельский учитель открывает своему коллеге — герою повести, что директор их школы спал с одной из учениц-переростков.

Я передаю Булату. Тот задумывается: «Но ведь все ясно и без этой фразы?» «Ну, и уберу ее», — говорю. «И они напечатают?» — сомневается Булат. «Обещают», — отвечаю. «Ну, коли так, то вычеркни. Это не меняет сути».

Ах, прекраснотдушный Петр Ильич! Уже Владимир Михайлович Померанцев долго раздумывал над повестью «Новенький как с иголочки», прежде чем решился ее поддержать. А главный редактор Алексей Георгиевич Орлов, ознакомившись с ней, сказал нам плачущим голосом: «Да вы смеетесь, что ли? Как это печатать? Такой мрачный колорит!»

— Вам не понравилось? — спросил Петя.

— Понравилось, — вздохнул Алексей Георгиевич. — Но это не для нашего журнала.

— Почему? — удивился Гелазония. — Повесть о сельской школе.

— Петр Ильич! — строго сказал Орлов. — Вы что, действительно не видите, что повесть непроходима?

— А по-моему, могут пропустить! — Петя говорил уверенно. — Повесть ведь о послевоенном сталинском быте. А о нем сейчас и не такое печатают.

— Все-таки стоит попросить автора как-то высветлить колорит, — полуслышал Орлов.

Померанцев согласился пройтись по тексту, подумать, как убавить мрачности и предложить автору что-то конкретное.

В ЦДЛ мы беседовали не втроем, а впятером. Кроме нас с Владимиром Михайловичем и Булатом были еще проходившие мимо и подсевшие к нам Камил Икрамов и Василий Аксенов. Камил и Вася очень удивились, узнав, что «Семья и школа» собирается печатать повесть, от которой, как выяснилось, уже отказались «Юность», «Смена» и какой-то периферийный журнал. По-моему, их удивление подогрело Булата, который, вопреки моим опасениям, согласился с мягко изложенными Померанцевым замечаниями и обещал повесть переделать.

Через некоторое время правленая Булатом повесть снова легла на стол Орлова. Но тот для подстраховки распорядился, чтобы с ней ознакомились все члены редколлегии.

Мы с Петей сникли: для повести такое решение было убийственным. Редколлегия журнала состояла в основном из догматиков и обскурантов. Владимир Михайлович Померанцев был в ней, так сказать, лучом света в темном царстве.

Никакие его доводы на Орлова не действовали. Тот стоял на своем: напечатаем, если даст добро редколлегия.

Что было дальше, наверное, понятно: повесть в журнале не появилась. Непонятно только, зачем редколлегия решила известить Окуджаву, что его вещь не вызовет желания молодых учителей ехать преподавать в сельские школы.

Что Булату было послано такое письмо, мне никто не сказал. Зато его резкий насмешливый ответ я прочитал. Я не призывал, писал Окуджаву, молодых энтузиастов ехать в сельскую школу, в деревню. Тем более, в деревню 1953 года, о которой идет речь в повести.

Страшно разозлила меня эта история: ну, для чего потребовалось морочить голову автору. И не честнее было бы заключить с ним договор, выплатить аванс, а потом уже заставлять его работать над повестью по конкретным замечаниям для журнала?

«Тонкие журналы такие вещи сделать не могут, — сказал на это Владимир Михайлович Померанцев. — Только издательства и толстые журналы обладают правом заключать авансовые договоры. Но история эта гнусная, что и говорить!»

Конечно, гнусная! И я оказался к ней причастен. Я втравил в нее Окуджаву!

Но нет, Булат на меня не обиделся. Это выяснилось, когда через какое-то время Стасик Рассадин, начинавший свою недолгую служебную карьеру в отделе писем издательства «Молодая гвардия», позвонил в этот отдел и попросил бывшую свою коллегу Валентину Ивановну Бойко давать мне рукописи на рецензии. Валентина Ивановна назначила мне встречу. В «Молодой гвардии» я встретил Булата, который тоже работал в этом издательстве со Стасиком и с Бойко. Он дружески меня обнял и, узнав, зачем я пришел, вызвался меня сопровождать.

— Валя, — сказал он, — Гена не только друг Рассадина, он и мой друг. Давай ему самые толстые рукописи. (Для незнающих: платили за рецензии, исходя из объема прочитанного тобой материала.)

А стихи Олега Чухонцева? Они понравились всем в редакции. Причем Орлову не меньше, чем Померанцеву. Но если у Владимира Михайловича и тени сомнений не возникло, что их нужно напечатать, то Алексей Георгиевич категорически заявлял, что эти стихи не для «Семьи и школы».

— Почему? — спрашивали у него.

— Очень пессимистичны! Наш читатель не примет такого осмысления жизни.

— Алексей Георгиевич, — сказал ему Померанцев, — есть такое понятие: катарсис.

— Ну и что из этого? — спросил Орлов.

— Не печатать такие стихи — значит лишить наших читателей возможности очиститься, страдая вместе с поэтом, сострадая ему. Это очень гуманные и невероятно мудрые стихи. Можно только удивляться, — восхищенно говорил Померанцев, — откуда у этого молодого человека такое глубокое знание жизни. Нет, стихи Чухонцева непременно должны появиться в нашем журнале, — заключил он. — Они станут гвоздем номера.

Чего нельзя было отнять у Орлова, так это любви к хорошей литературе. Конечно, он понимал, что на фоне скучных очерков о семейном воспитании или о роли пионервожатых в укреплении школьной дисциплины стихи Олега прозвучат, как мелодичная музыка, прервавшая надоевшую всем пластинку и потому особенно привлекательная. Но руководитель старой формации Орлов знал, с каким недоверием относятся к таланту наверху и как воспримут так талантливую вещь, лишенную казенного советского оптимизма.

Он и здесь попытался вынести вопрос о публикации на редколлегию. Но Владимир Михайлович решительно этому воспротивился. «Я не возра-

жал, — говорил он, — чтобы редколлегия рассматривала повесть, произведение большого жанра, которое заняло бы несколько номеров. Но несколько стихотворений поставить или не поставить в номер — решать нам с вами. Я курирую литературу, и если вы мне не доверяете...» «Да Бог с вами, Владимир Михайлович, — прервал Померанцева Орлов. — О каком недоверии может идти речь? Мы с вами работаем слаженно и продуктивно!»

Демарш Померанцева удался: Орлов поставил стихи Чухонцева в очередной номер, который сдавала редакция.

Стихи набрали. Однако в номер они не попали. Их вытеснил какой-то нужный срочный материал. Передвинули в следующий.

Но и в следующем номере они не встали. Сказали, что здесь для стихов нет места.

Чухонцев, который, конечно, был в курсе событий, пришел в ярость. «А ну вас к черту, — сказал он мне, — не тебя, конечно, а журнал. Скажи, чтобы вернули мне стихи. Терпеть издевательство я не буду».

Снова вмешался Померанцев.

В конце концов, стихи Олега в журнале появились. Однако не из-за них спешно собралась коллегия министерства просвещения, где гневно выступил сам министр.

Но, разумеется, в министерстве этим стихам и тогда не обрадовались, о чем вспоминали потом на той коллегии.

Когда стихи появились, я был счастлив. Читал и показывал их многим знакомым. Все ахали: как же удалось так кое-что напечатать?

В ту пору нам с Петей многое удалось. Мы опубликовали стихи Варлама Шаламова, Наума Коржавина и Эльмиры Котляр. Напечатали статью Станислава Рассадина о Маршаке. Очерк Бориса Балтера, который тогда пользовался бешеной известностью как автор повести «До свидания, мальчики!», недавно напечатанной в «Юности». Кстати, еще после публикации Коржавина Орлову были высказаны по телефону недоуменные чиновничьи замечания. Но мы в журнале держались так, будто этих звонков не было.

Мы осмелели настолько, что Петя заслал в набор даже кое-что из «Крохоток» Солженицына, что в то время было невероятной храбростью. Эйфория наша длилась, однако, очень недолго. Причем споткнулись мы, а потом упали совершенно неожиданно: никак не ожидали, что гром грянет с почти безоблачного неба.

Мы напечатали подборку стихов Владимира Корнилова, среди которых мне особенно нравились стихи об Ахматовой. Они сейчас очень известные: «Ваши строки невеселые, / Как российская тщета, / Но отчаянно высокие, /

Как молитва и мечта, / Отмывали душу дочиста, / Уводя от суеты, / Благородством одиночества / И величием бед»... ну, и так далее — их легко найти в корниловских книжках.

Но то стихотворение, которое нам вышло боком, Корнилов потом никогда не перепечатывал. Даже когда рухнула советская власть, когда его восстановили в Союзе писателей и он получил возможность доносить до нового читателя все свои прежние вещи. Мне он объяснил, что не печатает «Пса», потому что Лара (его жена и взыскательный читатель) не очень любит, когда он в стихах погружается в быт. Я очень ценю Ларин вкус, но здесь позволю себе с ней не согласиться. По-моему, стихотворение, которое привожу по памяти, замечательное:

Пес был шелудив и глуп,
Тош и плюгав.
Пил из водосточных труб,
Жрал — из канав.
Непонятливый, никак
Взять не мог в толк,
Что хоть сто таких собак
Мог кормить полк.
А в полку у нас врачом
Дама была.
Мы пред ней стояли в чем
Мать родила,
Еле вытерпев позор,
Лезли в белье.
Ну так вот. Из-за нее
Вспыхнул сыр-бор.
Увидела как-то раз
Лекарша пса
И пошла и завелась
На полчаса:
— Что за пес? откуда пес?
Что вам здесь — цирк?
Не хватало, чтоб занес
Всяких бацилл!
А дежурным по полку
Был капитан.
Топал с шашкой на боку,
Плац подметал.
Заспешил на дамский
клич,
Как джентльмен,
И осклабился, как хлыщ:
— Это в момент!
Пес в щенячьей простоте

Не понимал.
А начальник пистолет
Приподымал.
По науке совмещал
С мушкой прицел.
Пес лежал и не мешал,
Скучно глядел.
...Тонны в полторы удар
Вбил, вдавил в пыль.
Снайпер подмигнул:
как дал?
Как, мол, убил?..
Но врачиха сникла вдруг:
Что ж тут смотреть...
Все-таки не по нутру
Женщине — смерть.
...Вот и все. Сошла,
журча,
Дюжина лет.
Думаю, того хлыща
В армии нет.
Думаю, теперь урод
Малость поблек:
Возглавляет гардероб
Или ларек.
Женщины и не глядят
На дурака,
А жена — он был
женат —
Ставит рога.
Думаю, забыл всю спесь,
Жалок стал, льстив,
Думаю, что так и есть:
Мир справедлив!

Казалось бы, что здесь можно оспорить? К чему прицепиться? Позиция поэта кристально чиста. Его приговор бездушному негодю понятен и естественен. Вот стихи, которые добавят человеческим душам гуманности, и потому они особенно уместны на страницах журнала, который называется «Семья и школа»!

Оказалось, что именно на его страницах они особенно неуместны. Потому что существует такое святое для каждого советского человека понятие, как «военно-патриотическое воспитание». Об этом нам напомнила «Красная звезда», напечатавшая об-

ширную злобную реплику некоего майора. Где в советской армии, возмущался майор, автор нашел такого капитана? Что это, как не попытка подорвать доверие читателей к оваянному славою советскому офицерству? По какому праву автор и, очевидно, разделяющая его мнение редакция... Впрочем, запал майора, которого сейчас тоже пересказываю по памяти, стандартен и шаблонен: так писали, когда жаждали крови, когда были убеждены, что кровь обязательно прольется!

И не ошиблись. «Красная звезда» была органом всемогущего ведомства — Политуправления армии. Ее критика ничего другого, кроме оргвыводов не требовала. И спешно созданная коллегия Министерства просвещения их немедленно сделала.

Министр Афанасенко, оглядывая редакционную коллегию журнала, очень удивлялся: какие уважаемые в педагогическом мире люди работают в «Семье и школе»? Как же они позволили, чтобы на страницах их издания появилась идеологическая диверсия?

Уважаемые закатывали глаза, трясли головами, били себя в грудь, рычали от негодования: кто позволил? Они? Да они в последнее время только и делали, что грудью вставали на пути подобных диверсий. Они не допустили печатать упадническую повесть Окуджавы. Они предупреждали редакцию, что в последнее время она увлекается публикацией мрачных материалов. А гнусное стихотворение Владимира Корнилова они и в глаза не видели.

— Вот, значит, какая у вас коллегиальность! — сказал Афанасенко Орлову. — И распорядился: — Сотрудника, взявшего у автора эту гадость и протолкнувшего в печать, уволить!

Как говорится, вашими бы устами, господин (в то время, конечно, товарищ) министр... Не было такого сотрудника в редакции. Юридически я даже договора с журналом не подписывал. Но кому охота была докладывать об этом министру! Взяли под козырек, великолепно зная, что приказ нелеп и что проверять его исполнение министр не станет. Так что как был я почти весь 1965-й и почти полгода 1966-го не связан никаким документами с «Семьей и школой», так и остался навсегда со своей непричастностью к редакции.

Но Петр Ильич расплатился со мной щедро. Настоял даже на публикации совершенно не журнальной вещи — моем радиоочерке о поэте Евгении Винокурове. «Вам что, деньги не нужны?» — обосновывал он свое решение печатать радиоочерк. Оплатил он как не последние не по вине авторов и многие набранные материалы. Среди них особенно было жалко, что не успели мы напечатать рассказ Льва Александровича Кривенко «Фурье».

Петр Ильич
Гелазония
в редакции
журнала

Слевой Кривенко меня познакомил Борис Балтер, который очень рекомендовал его печатать. «Это — настоящее», — говорил он о его рассказах. Так же, как и Балтер, Кривенко был автором калужского альманаха «Тарусские страницы» — своеобразного «Метрополя» тех лет, потому что подвергся не меньшему, чем в будущем «Метрополь», официальному ostrакизму. Сразу же после критики «Тарусских страниц» воронежский «Подъем» выломал из макета номера и вернул Лева его «Фурье». Не спасло рассказ предисловие Константина Георгиевича Паустовского, учителя Кривенко (и Балтера, и многих других, с которыми я познакомился и подружился именно в доме Кривенко). Лева был его любимым учеником, а из всех учеников Паустовского был Кривенко человеком, пожалуй, самой несчастной творческой судьбы. Фронтовик, командир взвода автоматчиков, тяжело раненный и демобилизованный в 43-м по инвалидности, с рукой, которую носил как бы наперевес из-за поврежденного локтевого сустава, Лева описал злоключения своего взвода в повести, которая очень горячо была принята на семинаре Паустовского. Защищенная как диплом в Литинституте, она получила высшую оценку и дала возможность ее автору продолжать учебу в аспирантуре. А вот с ее публикацией дело обстояло не так здорово. Московские и ленинградские журналы печатать ее не решились: слишком не похоже было толкование фронтовых событий в этой повести на то, к чему стали приучать послевоенного читателя. (Вспомним, что даже получившая сперва сталинскую премию «Молодая гвардия» через короткое время была признана порочной и ее автору было предложено ввести в повествование якобы действующее в

подполье партийное руководство молодежной организацией, что Фадеев и сделал, хотя знал, что райком партии позорно бежал, когда немцы подошли к Краснодону.) Паустовский не унимался и продолжал предлагать Левину повесть любому объявляющему о себе областному альманаху. В результате из одного из них повесть отправилась в агитпроп ЦК, где ее внимательно прочитали и добились по ней некоего закрытого постановления, пресекающего любые Левины попытки напечататься. Не имея ни одной публикации, Кривенко попал в черный список тех, кто их никогда иметь не будет.

Ничто не вечно под луною! Хрущевская оттепель сняла табу с Левиного имени, и «Тарусские страницы» рассказ Кривенко напечатали. Однако эта публикация повлекла за собой новое табу. Заранее оповещенные в «Магистрале» Окуджавой, мы оставили на улице Кирова (бывшей и нынешней Мясницкой) в магазине областных изданий открытки-заявки на альманах. Его мы получили чудом, потому что почти сразу же из многих идеологических орудий был нанесен по альманаху мощный залп, и 75 тысяч экземпляров, заявленные в выходных данных, на самом деле не поступили в продажу: половина тиража, оставшаяся на складе издательства, была немедленно уничтожена по верховному приказу из Москвы. Калужские издатели слетели со своих постов. И кто знает, как развивались бы события дальше, если б Паустовский (так рассказывают) не добился приема у Хрущева, который отменил особо погромные пункты решения по альманаху Бюро ЦК КПСС РСФСР (существовала одно время такая начальствующая над всеми российскими регионами партийная инстанция).

Я подарил Лева гранки нашего набора, и он подколот их к набору воро-

нежского «Подъема». «Тираж — 2 экземпляра», — невесело констатировал он.

Уже после Хрущева в той же Калуге стараниями Левиных друзей была издана первая небольшая книжка его рассказов «Голубая лодка». Через какое-то время Леву приняли в Союз писателей. Но печатали все так же неохотно. Толстую же свою книгу, которая вышла в «Советском писателе» и дает более-менее неискаженное представление о его творчестве, он так и не увидел. Лева умер рано, в конце семидесятых, от рака. Книгу потом уже собрала и издала Леля: к мертвому писателю советская власть всегда относилась лучше, чем к живому. Может, потому еще, что в этом случае редактор получал значительно больше воли: что-то вычеркивал, что-то заменял, а родственники умершего, как правило, вели себя куда более покладисто, чем живой автор.

Так же, кстати, обстояло дело и с другим моим старшим товарищем, о котором я здесь уже говорил, — с Владимиром Михайловичем Померанцевым. Все инфаркты он получил, борясь с издательскими работниками. И на его похоронах представитель «Советского писателя» вспоминал о рукописи, которая вот уже несколько лет никак не становилась книгой, говорил, что выпустить книгу Померанцева — долг перед его памятью. Что ж. Прошло еще несколько лет, и книга, наконец, была издана — с большинством тех поправок, которые свели ее автора в могилу.

А рассказ Левы Кривенко «Фурье» мы с Петей Гелазония в «Семье и школе» напечатали. Но уже при Горбачеве, когда ослабили тиски цензуры. То есть напечатал рассказ, конечно, работающий в журнале главным редактором Петя, но он уговорил меня написать к Левиной публикации предисловие, где я и рассказал о злоключениях «Фурье».

Министерский погром «Семьи и школы» пришёл на март 1966-го. А спустя три-четыре месяца наши с Петром Ильичем дороги снова пересеклись.

Мой ровесник Валерий Гейдеко, работавший в «Комсомолке» (мы с ним, в понимании литературного начальства, образовывали некий тандем «молодых критиков»: Гейдеко—Красухин), предложил мне поговорить со своим знакомым писателем Михаилом Роциным, будущим знаменитым драматургом, который только что возглавил отдел литературы в новом журнале «РТ-программы» и занимается поиском для себя штатного сотрудника. «РТ» расшифровывалось как «радио-телевидение». Я видел этот внушительных размеров с яркой необычной для того времени обложкой еженедельник, листал его и удивлялся его смелым материалам. Меньше всего он походил на издание, которое обязано информировать читателей о содержании радио-

или телевизионных программ на неделю. Не похож был он и на теперешние «7 дней» или «Антенну». Мастерски написанная публицистика, захватывающие очерки о художниках или музыкантах, наконец, очень толковые анонсы передач, которые можно будет послушать или увидеть, делали журнал заметным явлением тогдашней общественной жизни. И вот туда пригласили работать бывшего сотрудника «Нового мира» Михаила Роцина. Наверняка для того, чтобы он сделал журнал еще и явлением литературной жизни. Конечно, мне очень захотелось там работать.

И Роцин мне очень скоро позволил. Пригласил к себе в Радиокomiteт на Пятницкой, где расположилось новое издание, и понравился мне мягкостью, интеллигентностью и желанием печатать хорошую литературу. Оказывается, ему говорил обо мне не только Гейдеко, говорила и Анна Самойловна Берзер, бывшая заведующая отделом, с которой он работал в «Новом мире». «Ведь мы — единомышленники! — подытожил Роцин, — так что давайте оформляйтесь».

Я пришел в тот день, когда главный редактор журнала Борис Ильич Войтехос освободил от обязанностей прежнего ответственного секретаря, который, как мне рассказывали, вел себя очень трусливо: чем ярче был сдаваемый в секретариат материал, тем яростней он препятствовал его публикации. Об этом донесли Войтехову, который трусости не прощал.

Я предложил Войтехову взять на этот пост Петра Ильича Гелазония. Войтехос, побеседовав с Петей, согласился, Петя перешел к нам из «Семьи и школы», но ответственным секретарем его, беспартийного и бездипломного, руководство Комитета отказалось утверждать наотрез. Что ж, Гелазония стал заместителем ответственного секретаря, чей оклад все равно был значительно выше, чем в «Семье и школе» и чьи возможности поспособствовать хорошим публикациям были несоизмеримы. «Семья и школа» после событий, о которых я рассказал, находилась под бдительным наблюдением цензоров.

А Войтехову удалось очень немало. Борис Ильич мечтал, чтобы его «РТ» был у всех на устах, оспаривая лидерство у таких ярких и вольных изданий, как «Журналист» Егора Яковлева или «Новый мир» Твардовского. А для этого требовалась невероятно боевая журналистика и потрясающе смелая литература. Обращались мы исключительно к лучшим на то время авторам, которых с трудом печатали в «Новом мире». Так что литература у нас была не хуже, чем в этом журнале. В отделе культуры работала Лика Осипова, сумевшая уговорить известнейших и популярных искусствоведов (А. Каменского, Д. Сарабьянова, М. Чегодае-

ву) печатать в «РТ» небольшие, но очень емкие и занимательные жизнеописания художников и композиторов. А отдел публицистики во главе с Игорем Саркисяном брался за такие проблемы, что многие мои знакомые удивлялись: как журналу позволяют публиковать такие вещи, как статья молодого тогда Анатолия Стреляного «Что такое колхоз?» об уродливом коллективном объединении, задушившем свободного крестьянина, или очерк Владимира Померанцева, записавшего три монолога строителей Братской ГЭС, один из которых намылился уже ударить со знаменитой комсомольской стройки, другой начал пить, и лишь третья полностью удовлетворена: в ее деревне бытовые условия намного хуже. Да и талантливый публицист Саркисян оказался прекрасным организатором: он сумел составить отдел из журналистов очень высокого класса: Рена Шейко, Александр Васинский — в то время их очерки были популярны у творческой и технической интеллигенции.

Что ж, Борис Ильич заслуженно торжествовал: известность «РТ» и в самом деле набирал сумасшедшую: в киосках он не залеживался, его расхватывали мгновенно.

Думаю, что в это внесли свою лепту и мы с Роциным и с Гелазония. Помимо рассказов наших авторов, опубликовали отрывок из романа Германа Броха «Возвращение Вергилия» — впервые на нашей родине печатался этот очень известный во всем мире австрийский писатель. А стихи? Мы печатали почти всех лучших поэтов того времени.

Придумали мы к грядущему пятидесятилетию Октября печатать антологию произведений о русской революции, где красным шрифтом были бы обозначены фамилии тех литераторов, которые приняли октябрьский переворот, а черным — тех, кто его не принял. Это нынче именуют 7 ноября днем согласия и примирения, нынче устанавливают обелиски и красным, и белым — всем, кто погиб в жестокой российской междоусобице. А тогда к нашей идее руководство Комитета отнеслось не просто кисло, но враждебно, о чем оно уведомило нас через некоторое время, когда громило «РТ-программы».

Правда, и напечатать-то мы успели только один разворот своей антологии, в которой расположили авторов по алфавиту. Черным шрифтом выделили фамилию Аверченко. Перепечатали рассказ «Фокус немого кино» из его книги «Дюжина ножей в спину революции». Не помогла нам ссылка на Ленина, который рекомендовал издать эту книгу, чтобы знать врага, так сказать, воочию. Под страшным давлением цензуры Войтехос согласился на купюру. Она как раз касалась Ленина с Троцким, которые, пятась, вышли из

дворца Кшесинской, задом дошли до вокзала (исторические события у Аверченко движутся в обратном направлении — от 1920-го до царского манифеста о свободе в 1905-м году), задом же сели в распломбированный и снова запломбированный вагон и покатили, проклятые, — размечтался писатель, — назад, к себе в Германию. Но, как показали дальнейшие события, купюра не спасла.

Я застал еще жилым левый флигель здания, которое нынче принадлежит Литинституту, того самого здания, который описан Булгаковым как «дом Грибоедова» в романе «Мастер и Маргарита». Я пришел туда, чтобы взять у вдовы писателя Андрея Платонова какой-нибудь небольшой его рассказ или отрывок для «РТ».

Квартира была необычной постройки. Из большой комнаты несколько ступенек вели вас вниз в еще одну и уже, кажется, полуподвальную. Вы закрывали входную дверь, входя в квартиру, и видели довольно далеко впереди окно, не ведая о том, что оно относится к нижней комнате. Отчего верхняя казалась очень больших размеров.

Радужная Мария Александровна угощала меня чаем, который мы пили с ее дочкой Машей, и рассказывала о своем муже и Машинном отце — Андрее Платоновиче Платонове. От нее я узнал трагическую историю их сына, арестованного, а потом выпущенного из лагеря умирающим от открытой формы туберкулеза. Сын умер, заразив туберкулезом отца, который только-только приходил в себя от долгого непечатания и замалчивания. Рассказала мне Мария Александровна и о статье Ермилова в «Правде», перекрывшей Платонову уже до конца его жизни дорогу к печати за его маленький шедевр — рассказ «Возвращение», и о той очень неблагоприятной роли, которую сыграл Фадеев в послевоенной судьбе Платонова.

Это сейчас детали платоновской биографии хорошо известны. А тогда многое прозвучало для меня откровением, заставило пойти в журнальный зал «Ленинки» и прочитать «Возвращение» и другие малодоступные для обычного читателя вещи.

Но, главное, я возвращался от Платоновых не с пустыми руками. Гелазония жадно схватил рассказ «Семен», который мы немедленно опубликовали.

Опубликовали мы и «Псалом» — чудесную миниатюру Михаила Афанасьевича Булгакова. И тоже после моего визита к его вдове. К Елене Сергеевне.

Она жила в пятиэтажном доме в самом конце Суворовского бульвара на противоположной стороне от кинотеатра повторного фильма (как раз напротив теперешнего театра Марка Розовского). Елена Сергеевна познакомила меня с гостившим у нее Абра-

мом Вулисом, написавшим предисловие к пока еще не вышедшему в «Москве» урезанному варианту романа «Мастер и Маргарита», и вынесла аккуратную стопку небольших переплетенных книжечек.

Я открыл верхнюю. «Михаил Булгаков. Полное собрание сочинений», — прочитал я машинописный текст.

— Когда умирал Миша, — сказала Елена Сергеевна, — я поклялась ему, что напечатаю все, что он написал. И я исполню свою клятву. Все это, — она кивнула на книжечки, — я печатала сама, чтобы не было в рукописи никаких ошибок.

Вулис показал мне «Мастера и Маргариту». Роман занимал книжечек шесть или семь.

— Лучшее, что написал Михаил Афанасьевич, — сказал он. И добавил: — Очень может быть, что вы этот роман скоро прочтаете в нашей печати.

— Миша писал одинаково хорошо, — не согласилась с Вулисом Елена Сергеевна. — Это откроется, когда будут изданы все его вещи. Наверное, Бог и продлевает мне жизнь, чтобы я смогла их все напечатать.

Я с удивлением посмотрел на изящную, миниатюрную, красивую, немолодую, конечно, женщину, но уж никак не старуху! О чем она говорит?

Потом-то я узнал, что она вовсе не кокетничала: ей и в самом деле было много лет, гораздо больше тех, на которые она выглядела.

Эта мужественная женщина, посвятившая свою жизнь сохранению и публикации булгаковского наследия, не стала спорить с цензорами журнала «Москва», согласилась на купюры в «Мастере и Маргарите», которые они потребовали сделать, а потом собственноручно все эти купюры перепечатала, пометила, на какую журнальную страницу и в какой абзац их следует вставить, и пустила в самиздат. Сильно подозреваю, что именно это обстоятельство заставило «Художественную литературу», издавая «Мастера и Маргариту», особо оговорить, что данный вариант романа полностью сверен с рукописью. Конечно, власти все сделали, чтобы затруднить для обычного читателя приобретение такой книги. Часть тиража направили за границу, часть — в закрытые распределители. Но ведь и читателям, отстоявшим ночь перед дверями магазинов, куда по слухам завозили по несколько экземпляров книги, хоть что-то да перепало! А это значит, что роман начал свое победное, не зависящее от властей шествие. И добилась этого хрупкая женщина — Елена Сергеевна Булгакова!

Для Дня советской армии (23 февраля) мы подготовили прекрасную подборку песенок Булата Окуджавы: «Старый король» («В поход на большую войну собирался король...»), «Ах, война,

что ж ты сделала подлая...», «А что я сказал медсестре Марии...», «Отрада», «Возьму шинель, и вещмешок, и каску...» Мы весело предчувствовали скандал, который начнется, если нам удастся так отметить армейский праздник. Не удалось. В январе 1967 года сняли Войтехова, и весь февраль его оставшиеся замы не пропускали никаких литературных публикаций. А в конце февраля председатель Радиокomiteта Месяцев журнал разгромил.

Вместе мы больше уже не работали: Петя вернулся в «Семью и школу», а меня пригласили в отдел литературы «Литературной газеты». Но отношения друг с другом продолжали поддерживать самые дружеские. Когда Петя возглавил журнал, он нередко пересылал мне для прочтения лучшие, по его мнению, материалы, которые печатал. Они, в самом деле, были незаурядными. Знал я, что переставшая быть министерским органом «Семья и школа» существует, так сказать, в автономном режиме — то есть едва-едва сводя концы с концами, и то благодаря бескорыстной изобретательности главного редактора и его немногочисленной команды, согласной месяцами сидеть без зарплаты ради выхода очередного номера.

В начале 2011 года одно московское издательство предложило мне издать воспоминания о Булате Окуджаве отдельной книжкой. И, поскольку в этих воспоминаниях я говорю о Петре Ильиче, украсил их его фотографией. Я позвонил Пете. Тот сказал, что уезжает на дачу, вернется в начале августа и что-нибудь для меня поищет.

В последний раз я позвонил ему в понедельник 22 августа. От очень слабого его голоса сжалось сердце: «Что, Петенька, — спросил, — плохо себя чувствуете?» «Плохо, — ответил он, — но обещание помню. Должны вернуться наши, и они поищут что-нибудь для книжки». «Я завтра уезжаю из Москвы. Вернусь в воскресенье, — сказал я ему. — Держитесь, милый. Я позвоню».

Я действительно позвонил в воскресенье. Но говорил не с Петей, а с его вдовой Загретой Михайловной. Что его больше нет, узнал, включив компьютер и обнаружив на сайте «Эха Москвы» пронзительную заметку Мариэтты Чудаковой.

«Попробую продержаться», — ответил он, прощаясь со мной. Не смог. Отказало сердце.

Булат Окуджава написал однажды: «Совость, благородство и достоинство — вот оно святое наше воинство». Мир праху того, кто сумел не изменить этому воинству, кто не просто остался верен его основополагающим принципам, но явил в себе и собой — совость, благородство и достоинство, — незабвенного Петра Ильича!

Памяти Петра Гелазония

Оглянемся на полвека

У тех, кто работал в «Семье и школе», две крайности. Одни как пришли, так и остались здесь на полвека, а иные вскоре уходили, неволей либо волею — в надежде обрести место более привлекательное, значимое, престижное. Одним словом — чтобы на виду. Не то, чтобы денежное — особа денежных мест, кроме кино, в ту пору, 50 лет назад, и не было; но все-таки были поблестящее, чем педагогическая стезя. Да ее уж и литература охаяла ненароком как сферу нудную и застойную.

А нам такими быть не хотелось. Ахматова с изумлением обнаружила в конце 50-х годов, что вокруг нее — толпы молодых читателей из студенческого, главным образом, круга. Если и не в самих аудиториях, то около них, в коридорах, в общежитиях, жизнь бурлила-кипела и уже вырывалась наружу.

Не забыть, как после хрущевского доклада, который студенты, напугав до конфуза наш университетский (речь о Ленинграде) партком и пытавшуюся нас приструнить военную кафедру, заставили-таки прочесть этот самый доклад, а после прошли два заседания дискуссионного клуба, у филологов и историков (у нас на филфаке — «по Дудинцеву», с его осторожным присутствием). Кончилось все громовым скандалом: любимца (якобы) студентов ректора Александрова согнали с трибуны, когда он начал назидать, что «не надо огульно», «есть и хорошие министры»... А в ответ услышал: «Одна шайка».

То же, и даже еще резче, было и в МГУ, в результате чего Петр Ильич Гелазония очутился в «Семье и школе» без диплома. Времена были еще, как говорила та же Ахматова, «вегетарианские»: до безвыходности не доводили.

Когда мне пятью годами позже довелось прийти в журнал, Петр был уже если не ветеран, то старожил, и голос его был значим.

Уже прогнали Хрущева, и был какой-то туманный промежуток; наверху еще не поделили посты и не знали, куда двигаться. Собственно, как потом стало понятно, двигаться не хотели никуда, но все же что-то следовало обозначить.

А по рукам в ту пору уже начал ходить самиздат, хотя слова такого, кажется, в обиходе еще не было — перепечатки да пересъемки на грязноватой фотобумаге.

И вот такая перепечатка маленьких рассказов Солженицына, тех, что потом стали называться «Крохотки», попала мне в руки. Я, конечно, показал Петру. А он вдруг: «А давай попробуем показать старикам».

«Стариками» были главный редактор Алексей Георгиевич Орлов и его заместитель Борис Васильевич Игрицкий.

Борис Васильевич, кажется, в незапамятные времена дал рекомендацию в ВКП(б) Суслову. Кто не помнит, это был главный идеолог, второй человек после Брежнева. Игрицкий никогда об этом не говорил, но все же однажды вроде пришлось обратиться «к крестнику», чтобы спасти журнал и редакцию от большой беды.

Об Алексее Георгиевиче надо бы сказать подробнее. Был он в войну, в сталинские годы, заведующим Мосгосроно, был и заместителем министра просвещения; но всегда и прежде всего — был он *старый русский учитель*. Со школьных лет и до весьма взрослых раз три-четыре встречались мне люди этого склада, и можно предсказать, какой народ готовила бы старая русская школа, если бы ее не свернули с пути шкрабы-большевики!

Тут придется забежать на несколько лет вперед. Году в 67-м была опубликована в журнале статья «Над чем надо серьезно задуматься» за подписью некоего А. Егорова. Задуматься следовало над тем, что дела в школе формализованы до невозможности: дети перегружены множеством пустых, ничего не развивающих заданий, их здоровье и моральный дух от этого в постоянном напряжении... Министрство просвещения и школьный отдел ЦК были, разумеется, мнения иного и принялись допытываться, что это такое за Егоров. Алексей Георгиевич долго и разнообразно отнекивался: «Да так, один старый учитель»... Но, наконец, видимо, не выдержал и открылся: «Да это я написал!»

После этого недолго уже было ему оставаться у руля «Семьи и школы», да и грех не первый.

А из предыдущих — Солженицын. «Старики» наши были не лыком все же шиты и понимали, что здесь можно схлопотать тех самых приключений. Но, видно, Петру удалось их склонить: «Попробуем, вдруг пройдет...».

Написали в Рязань «Исаичу», получили от него согласие с благодарностью (он об этом и в «Теленке» упо-

минает). Заслали в набор, вскоре пришли гранки.

...И вот однажды, когда с утра пусто было в редакции, раздался звонок и голос (приятный, легкий) сказал: «Это Солженицын говорит. Я хотел бы встретиться с Алексеем Георгиевичем». Подарок судьбы был — слышать этот голос. А вскоре и увидеть: тогда Александр Исаевич еще носил скиперскую бородку и смотрелся как агроном или лесовод в командировке; человек, которому поле и лес ближе, чем город. Как человек, овеванный силой родной земли.

Я проводил и представил его начальству, а после Петр рассказал мне о цели прихода — предупредительной и благородной. Смысл ее был таков: «И не пытайтесь». «Старики» наши хотели еще и побороться; но он им отсоветовал: «Не дадут ни в коем случае!» — и не дали. И запомнили: этих надо сменить.

Вскоре их сменили: пришел в редакцию пакет «сверху» с указанием нового главного редактора. Когда мы в недоумении всколыхнулись, состоялся акт небывалого демократизма: весь творческий коллектив был приглашен к нашему тогдашнему начальству в Президиум Академии педагогических наук... И довелось нам услышать из уст главного ученого секретаря одну из незабвенных советских формул: «К Алексею Георгиевичу у руководства претензий нет. Но сочтено целесообразным».

Петра к этому времени в редакции уже не было: он перешел в забытое ныне, но и тогда диковинное издание под названием «РТ» («Радио и телевидение»).

Настал застой, зря в дверях не стой

В смысле — в пустой очереди. А прямее: ждать нечего. У Герцена в «Былом и думах» есть полувопрос-полувозглас, смысл которого: поймут ли будущие поколения весь ужас жизни тех, чья молодость пришла на глухую николаевскую пору. И у нас сегодня полно подобных восклицаний, даже о тех, кто спроворился ухватить тогда государственную премию; мол, да, пять книг издали, а две-то задержали!

Не стоит становиться в этот ряд; в застойные годы тираж журнала рос и рос и перевалил за три миллиона. Да и до треволнений особо не доходило: что можно печатать, а о чем молчать в тряпочку, было уже почти всегда ясно-понятно.

Впрочем, все равно порой было неумоготу от лицемерия и лжи. А Петру особенно: он вернулся в редакцию на прежнюю должность ответственного секретаря. Ответственный секретарь (поясню тем, кто не знает нашей меха-

Валерий Рыбаков, сотрудник журнала с 1965 года

Петр Ильич
Гелазония
и Валерий
Алексеевич
Рыбаков.
1970-е годы

ники) — это тот, кто складывает, конструирует, выстраивает номер, организует его разнообразие и гармонию, чтобы всем читателям было «по любимому блюду». Естественно, существовала еще и политическая принудилка: съезды, юбилеи... «Семья и школа» не была здесь «на переднем крае», и все же этого было не избежать. Так вот, заслуга Петра была в том, что именно благодаря ему старались избегать, печатая такие материалы по реально возможному минимуму.

А все же откуда это набежали три миллиона в прибавку к 100–200 тысячам тиража в начале 60-х годов? Причин несколько — и элементарных, и содержательных.

Самая простая — дешевизна. Годовая подписка стоила три рубля, по тогдашним это была цена одной бутылки водки. Вторая — простота и активность подписки. Была одна на всю страну «Союзпечать», и она уж старалась для всех изданий (для партийных, конечно, особо). Третья, а, может быть, самая первая — «Семья и школа» был человеческий журнал: говорил про жизнь, да и в запретные углы заглядывать пытался, хотя не всегда удавалось.

Насчет запретных углов: вот вспомнился пример, как советская власть обходилась с реальностью. Директор одного из институтов Академии педнаук предложил на редколлегии: надо написать (сам и взялся) о профилактике наркомании; есть основания для беспокойства. Все согласились, но надо прежде было получить визу; порядок был такой — согласование с ведомством, которому данный сюжет «принадлежит». В данном случае Министерству здравоохранения.

И получили вместо визы «отлуп», от которого растерялся сам этот директор, вполне номенклатурный человек.

«Писать не надо. Наркомании у нас нет», а если что и бывает, так профилактикой занимаются наркодиспансеры.

Чего тут больше: бесстыдства, равнодушия, презрения к людям? Если наркомании нет, то зачем и наркодиспансеры, а если все же «кое-где у нас порой», то о какой профилактике говорить, когда школьник уже попал в диспансер?

Но это все-таки крайний случай, а в общем-то наблюдающей власти было наплевать, чего там пишут в советах врача или в рассуждениях психологов о психологии «обыденной жизни».

Вот это постоянное поддержание диалога с читателем на уровне актуальных для него тем и было одним из насущных дел ответственного секретаря Петра Гелазония. Редакция получала десятки писем и на все так или иначе откликалась, что создавало постоянную связь с читателем. Этим тоже вместе с сотрудником отдела писем Соней Каневской занимался Петр.

Да что стесняться — многим мы реально помогали; тогда еще «сигнал из редакции» что-то значил...

Отлив

Петр Ильич Гелазония проработал в «Семье и школе» полвека плюс еще несколько десятков дней. Но с двумя перерывами. В первый раз, как мы уже говорили, он прельстился журналом «РТ», где собрались лучшие журнальные фотографии и художники Москвы, да и из пишущих немало блестящих «перьев». А второй раз покинул журнал в начале 80-х по причинам чисто личным, о которых говорить не след. Вернулся же после долгих наших уговоров в начале 90-х — в начале «отлива».

Почему вдруг отхлынули читатели не от одной «Семьи и школы», а от всей раньше столь популярной прессы? Первый удар она получила во время экономического кризиса начала 90-х — журнал стало не на что издавать! Вот и выпустили мы в 92-м вместо двенадцати полновесных номеров четыре толстых блеклых тетрадки на газетной бумаге. А в дальнейшем переворотилось в негатив то, что было прежде позитивным: постоянно (вынужденно!) менялась цена, организация подписки превратилась в ничто.

Главное же — изменилась жизнь. Не до воспитания стало миллионам семей — лишь бы прокормиться. Это касалось, прежде всего, инженеров, врачей, учителей, разного квалифицированного техперсонала. Когда-то, в 70-е годы, проводили мы анкетирование читателей и наряду с прочими занятными данными узнали, что среди наших подписчиков чрезвычайно много медицинских работников. Кто-то даже пошутил: не переименоваться ли в «Друга медсестры»? Так вот теперь медсестре из-за кучи новых забот было не до нас.

Но и это еще не последняя суть, произошло худшее: общество впало в апатию. Когда я назвал журнал «человеческим», то за этим определением было более привычное: «гуманистический» журнал. Если приглядеться, все издания, не желавшие (скрытно!) в годы застоя быть в рядах партийного официоза, этого направления придерживались. И вот это направление изо всех сил старался сохранить Петр Ильич. Диапазон социальных тем он расширил: на наших страницах стали появляться тексты людей, известных принадлежностью к демократическому лагерю, и тексты хорошие, значимые, — но только, как на митинги в 90-м году приходили 500 тысяч, а в 2009-м — от силы 500 человек, так и читателей находилось немногим больше.

Плыть против отливного течения было трудно, но духовные силы у главного редактора словно оставались неисчерпаемыми, а тем, кто читал журнал в последние годы, скажем правду: большая половина любого номера — это труды и усилия Петра Гелазония.

И вот мы с ним попрощались. Прощаетесь и вы, не знавшие прежде, что это был за человек, сколько он сделал для сотен тысяч прежних читателей и немногих тысяч новых. Нам, старикам, порой кажется, что эта прежняя работа была насмарку... Это в горькие минуты; а если взглянуть более обдуманно, может быть, и нет: духовный обморок, в котором очутилось общество, пройдет. Есть признаки. На это и понадемся.

Вокруг развития и воспитания

Новое о хорошо знакомом
и ещё не знакомом

Спорная терапия

Католический союз врачей Германии выступил с инициативой лечения гомосексуалов с использованием сочетания гомеопатических и психотерапевтических методов. Эта так называемая «гомогомеопатия» вызвала резкую критику со стороны Союза немецких лесбиянок и гомосексуалов, несмотря на то, что католические врачи рассматривают свою инициативу исключительно как помощь желающим, — ни о каком принудительном лечении нет и речи.

Представители Союза недвусмысленно заявляют: «Гомосексуализм — это не болезнь!», однако те представители секс-меньшинств, которые «чувствуют себя больными, несчастными или оказавшимися в бедственной ситуации», могут обратиться в Союз за помощью и получить ее.

Союз немецких лесбиянок и гомосексуалов рассматривает гомеопатию как «неэффективный» метод лечения в принципе. Кроме того, утверждают его представители, никаких страданий они не испытывают, поэтому предложение католических врачей кажется им «опасным» и даже «в чем-то смешным». Все серьезные эксперты сходятся в том, что сексуальная ориентация формируется в самом раннем детстве.

Издание напоминает, что Всемирная организация здравоохранения исключила гомосексуализм из списка заболеваний еще в 1993 году. Тогда Союз гомосексуалов заявил, что «тем самым XIX век для гомосексуалов и лесбиянок закончился, пусть и с опозданием на 90 лет». Возможно, тогда они слишком рано обрадовались?

Почему соль вызывает привыкание

Как показало совместное исследование американских и австралийских ученых, соль вызывает привыкание, а в случае дефицита этого вещества запускаются те же генетические и неврологические механизмы, что и при никотиновой, героиновой или кокаиновой зависимости.

По мнению специалистов, речь идет о заложенном в мозг «древнем инстинкте», который отражает важность соли для человеческого организма. По словам профессора Мельбурнского университета Дерек Дентона, в данном исследовании показано, что «такой классический инстинкт, как жажда соли, обеспечивает нейронную организацию, которая обслуживает зависимость от опиатов и кокаина».

Попутно был открыт «весьма значимый для выживания эволюционный механизм», суть которого в том, что сигнал о поступлении в организм соли достигает мозга значительно быстрее, чем туда — после усвоения пищеварительной системой — попадет с кровотоком само вещество, а именно в течение примерно десяти минут. Это делает животных, в том числе человека, менее уязвимыми перед лицом хищников, убеждены исследователи.

Интернет ослабляет память

Массовое пользование интернет-поисковиками и базами данных повлияло на способы запоминания информации, пишет «Нью-Йорк Таймс», ссылаясь на выводы ученых, исследовавших этот вопрос под руководством психолога Бетси Спарроу из Колумбийского университета.

Спарроу и ее соавторы провели четыре разных эксперимента с запоминанием. Оказалось, например, что люди значительно лучше запоминают информацию, которую сами вносят в компьютер, если считают, что позднее она будет стерта. В результате другого эксперимента выяснилось: лучше запоминается не сама информация, а то, в какой папке на компьютере она хранится.

Память адаптируется к новым технологиям, и интернет сделался для нас основным внешним хранилищем информации, заключила Бетси Спарроу.

«Ошеломительные» мультфильмы

Ох уж эти мультики... Дети обожают разнообразные творения мультиндустрии, а родители это страшно беспокоит. Дети готовы смотреть все и всегда. Родители же постоянно решают вечный вопрос: что смотреть, сколько и когда. В этом противостоянии интересов очень трудно найти консенсус.

Исследование, призванное оценить действие некоторых видов мультпродукции на так называемые «исполнительные функции» мозга младшего дошкольника, опубликовал уважаемый медицинский журнал *Pediatrics*. В центре исследования оказались два известных детских мультсериала: канадское образовательное мультшоу *Caillou* и американский коммерческий сериал *Spongebob* (*Губка Боб*), созданный на основе малобюджетной технологии *fast-paced* (в основе которой — ускоренная последовательность картинок).

В исследовании приняли участие 60 детей четырехлетнего возраста. Детей разделили на три группы: в одной рисовали мелками, в другой смотрели *Caillou*, в третьей — *Spongebob*. Через девять минут участникам эксперимента давали специальные задания для оценки некоторых показателей познавательной деятель-

ности: концентрация внимания, оперативная память, сосредоточенность на задании, усидчивость и др.

И — удивительное дело! — дети, которые смотрели «быстрые» мультфильмы *Spongebob*, справились с заданиями значительно хуже, чем дети в двух других группах. Основные ухудшения касались функций внимания и памяти. Тестовые же результаты тех, кто смотрел *Caillou* и рисовал мелками, примерно одинаковы.

Что же есть такого в столь любимых детьми мультфильмах про Губку Боба, что может негативно повлиять на мозг ребенка? По мнению ученых, темп мультфильма неестественно высок для детского мозга. Ускоренная последовательность картинок вызывает перевозбуждение и стресс, отсюда и снижение познавательной деятельности.

А что же другие мультфильмы? В сериалах типа *Caillou*, *Sesame Street*, *Mr. Roger's Neighborhood* взаимодействие персонажей происходит в естественном для мозга четырехлетнего ребенка темпе и потому не вызывает негативных последствий.

Что это исследование означает для родителей? Специалисты советуют: «Будьте внимательны к качеству телевизионных программ, которые смотрят ваши дети. Не перегружайте их малобюджетной коммерческой мультпродукцией. Оптимальное время для телевизора в ежедневном расписании четырехлетнего ребенка — час в день».

Существует ли ген материнства?

Идея о том, что некоторые гены влияют на материнское поведение, родилась в научных кругах около пятнадцати лет назад и явилась, по существу, случайным результатом научного исследования. Аспирантка Дженнифер Браун и ее коллеги из Гарвардской медицинской школы проводили эксперимент на мышах, у которых отсутствовал ген, называемый *FosB*. Мыши были успешно выведены, дали потомство. Но новорожденные животные почему-то умирали целыми пометами за один-два дня, хотя и они сами, и их мамы были совершенно здоровы. Разбросанные по всей клетке мышата явно были голодны и дрожали от холода. Нормальные мамы-мыши собрали бы весь выводок вокруг себя, кормили и облизывали малышей. Эти же не обращали на пищавших детенышей никакого внимания и безмятежно занимались своими делами.

Начиная эксперимент, ни Д. Браун, ни ее коллеги не подозревали, что удаление гена *FosB* может превратить мышей в несостоятельных мам, однако случившееся заставило задуматься о биологических причинах того, что у животных не проявился материнский инстинкт. Оказалось, что ген *FosB* производит белок, который активизирует другие

гены и частично отвечает за работу нейронов гипоталамуса — области мозга, которая регулирует выработку гормонов, связанных с материнским поведением. В природе само появление детенышей запускает механизм, активизирующий ген *FosB*.

Несколько лет спустя ученые обнаружили, что и другие гены, *Peg1/Mest* и *Peg3*, также оказывают влияние на материнское поведение мышей. «Отключение» их давало тот же результат: холодное сердце матери и пустой живот детенышей. Оба эти гена влияют на поступление в головной мозг окситоцина, «гормона любви». Чем меньше окситоцина поступает в определенные отделы мозга, тем больше самка пренебрегает потомством.

Если гены мышей и людей во многом одинаковы, значит ли это, что выявленные у мышей «материнские гены» влияют и на женские воспитательные инстинкты? Что, если проверить будущую маму: есть ли у нее активные копии *FosB*, *Peg1/Mest* и *Peg3*? А может быть, используя генную инженерии, мы сможем стать супермамами и не будем чувствовать бессилие и отчаяние, часами пытаясь успокоить плачущего малыша?

К счастью или к сожалению, ученые никогда и не утверждали, что они обнаружили «материнский ген». Люди, очевидно, сложнее мышей, их поведение зависит от многих небιологических условий. Возможно, нам труднее справляться с воспитательными задачами, если ген поврежден или плохо функционирует. И все же отдельный ген — только винтик в сложном механизме.

Н. П., И. Р.
(по материалам
Интернета,
иностранной
печати
и радио)

Шаг в будущее или капля в море?

Само название «Дополняя реальность» манило, как светлячок в тумане. Звучало загадочно и многообещающе. В начале лета в Российском государственном гуманитарном институте открылся XII Международный интерактивный форум образовательных технологий. В программе значились такие, например, темы докладов: *Создаем персональное образовательное пространство средствами Интернета. В реальной школе виртуальный урок ведут ученики. Интернет-беседа как форма обучения. Плюсы и минусы образования средствами 3D технологий.* Больше половины докладчиков — учителя. И не только из Москвы, а еще и из Самары, Ростова-на-Дону, Серпухова, Томска...

Впечатления от форума трудно собрать воедино и внятно изложить. Особенно такому книжному червяку по призванию, убеждению и образу жизни, как я. Ведь я далеко не фанат новейшей техники и даже не самый умелый и продвинутый ее потребитель. Однако все мы помним из школьных уроков литературы, как порой полезен «взгляд ребенка». Ребенок, живущий во мне, вышел из РГГУ в восторженном состоянии. И ему захотелось еще раз в первый класс. Постоять у интерактивной доски, поуправлять огромным мультимедийным глобусом, на котором видны движения тектони-

ческих плит, океанические течения и извержения вулканов, построить невесомую башню или диковинную машину прямо на руке — вот она, школьная реальность, дополненная современными возможностями.

Пока я сидела в зале, слушала представителей ведущих мировых производителей информационного и оборудования, представителей российской компании Polymedia, пока смотрела захватывающее научно-образовательное шоу, что-то изменилось в моем отношении к болезненным проблемам современной школы. Мы все топчемся и боремся на пяточке сегодняшних возможностей средней (по всем смыслах слова) школы, все время оглядываясь на прошлое и спорим: хорошая была советская школа или плохая? Между тем, все ее лучшие и худшие стороны стремительно становятся поза-позадавшей давностью. Не в смысле времени (тут все еще не прожито и не изжито), а в чисто вещественном смысле. Дети с рождения окружены вещами, о которых их родители в детстве и понятия не имели. Они как будто рождаются с компьютерными мозгами. Первоклашки в свои шесть-семь лет сплошь и рядом куда грамотнее в информатике, чем их учительницы.

Я не хочу сказать, что не надо учить детей писать ручкой, считать в

уме и читать бумажные книжки. Но нельзя, чтобы школа была для них таким же анахронизмом, как валенки с галошами. Мы не вернем их из сегодня во вчера, как ни ворчи на компьютерные игры и как ни старайся вытащить чадо из интернета.

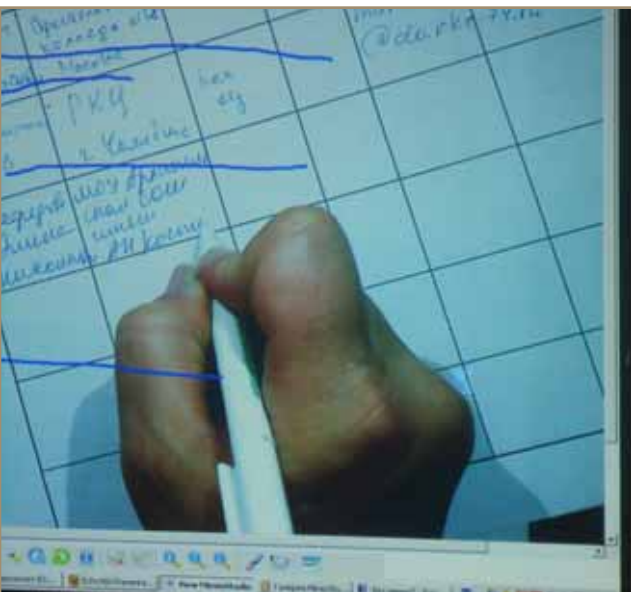
Но всякие «Одноклассники» и «В контакте» — это лягушатник мировой сети, а есть Интернет глубоководный, умный, необходимый. Благодаря ему форум РГГУ можно было посмотреть online, не выходя из дома или из школы, а в докладах и дискуссиях принимали участие десятки ученых и педагогов-фантомов из всех частей света. Между прочим, это значит, что точно так же любой школьник, особенно старшеклассник, смог бы при довольно нехитрой организации присутствовать на уроках лучших учителей страны и интерактивно участвовать в них.

Интерактивность — не просто модное словечко, это, как мне кажется, тот самый рычаг, с помощью которого можно перевернуть неповоротливую школьную телегу. Интерактивный урок не похож на ритуальное классное сидение и поочередное говорение. Реплики, формулы, рисунки можно с экрана персонального компьютера посылать прямо на экран, класс может превратиться в лабораторию, конференц-, а хотите — музейный зал.

«Школьники во все времена рвались к техническим новинкам, а взрослые всегда активно этому сопротивлялись», — констатировала учительница начальных классов подмосковной средней школы Елена Чулихина и попыталась побороться с предрассудками коллег, продемонстрировав возможности интерактивной доски Smart на уроках в первом классе. К наглядности и предметности учителя стремились всегда: придумывали палочки и галочки для счета, налепляли яблочки, кораблики, домики на магнитный лист или бархатную бумагу. А разрезная азбука с вылетающими из кармашков скользкими буквами! А примеры в рабочих тетрадках по математике, где надо все тройки закрашивать розовым, все семерки зеленым и т. д., чтобы в результате, минут через сорок, получился щенок или зонтик! Задуманные как игровые элементы, эти фокусы отнимают время и истощают внимание малышей. В конечном счете, сидят с ножницами и цветными карандашами не первоклассники, а их мамы. А как выглядят те же самые приемы на умной доске? Фрагменты рисунка окрашиваются, буквы посылаются на экран одним легким касанием. И сразу можно проверить результат. Вам не нравятся кнопки (хотя прикасаться можно и пальцем)? На доске можно писать чем угодно, даже каллиграфию отрабатывать, выписывая буквы любого размера. А вот «волшебное перо»: неправиль-

но написанное им слово мгновенно тает, думай, где ошибся! При работе с интерактивной доской задействованы сразу все каналы восприятия: дети видят, слышат, прикасаются, рисуют. Неизбежная дрессировка мозгов становится нескучной, и освобождается время для мышления, решения и обсуждения творческих, открытых задач, чего требует жизнь в быстро меняющейся реальности.

Обучение гиперактивных детей — одна из самых острых школьных проблем. Решить ее, как показывает опыт казанской учительницы Надежды Сергиной, по-

могают интерактивные инструменты. То, что было помехой всему классу, что считалось дефектом, при обучении в режиме постоянного контакта учителя с каждым учеником в отдельности обо-

рачивается достоинством. Гиперактивный Антон, попавший в класс Сергиной с устойчивой репутацией труднообучаемого ребенка с неудобным поведением, очень быстро не только догнал сверстников, но и в некоторых дисциплинах опередил их. Разумеется, информационное оборудование — лишь инструмент, который дает максимальный эффект в умелых руках. «Никакой компьютер, — с пафосом говорят сторонники традиционной школы, — не заменит человека!» Никто не спорит. Но он даст этому человеку новые возможности, а главное, обеспечит то, о чем мечтают все учителя и что прописывают все школьные программы, но что при нынешней организации обучения просто невозможно, — индивидуальный подход к каждому ученику, непоседливому и заторможенному, технарю и гуманитарии, здоровому и больному.

«Качество системы образования не может быть выше качества работающих в ней учителей», — сказала одна из участниц форума. А качество системы образования не может быть выше

качества системы всего общества, — добавлю я прописную истину. Но, возможно, есть и обратная связь? Возможно, школа *измененная не чиновниками, а шагнувшими в будущее учителями*, потихоньку изменит общество, вскроет его, как консервный нож, и сделает открытым?

Многие неразрешимые проблемы станут решаемыми, если классно-урочная система забудется, как валенки с галошами (у них, наверное, тоже есть плюсы и минусы). Мы спорим о ЕГЭ, стандартах, ровняем грядочки, а сильные ростки, может, прорастут совсем не на них, а там, где мы сегодня их не ждем.

Да, да, да! Я все понимаю про каплю в море, про нищету (хотя один компьютер на деревню купить даже дешевле, чем гонять автобус по бездорожью, доставляя учеников в укрупненную школу), про косность. И даже про маниловские мосты. Но вот же — живые люди, все более доступные технологии, ощутимые результаты.

Наталья Мавлевич

«Дорогой Пётр Ильич!» — привычно начинал я письма, к которым прикреплял файл с очередной статьей для журнала «Семья и школа». Из года в год. И получал ответы, полные ободрения. Иногда он звонил мне, неизменно представляясь: «Это некто Пётр Ильич». Этот некто был до самого недавнего времени главным редактором журнала «Семья и школа». Человек большого сердца, ясного ума, колоссальных знаний, честности, ответственности, истинный патриот. У него была прекрасная команда бескорыстных соратников, но журнал держался им и на нём. Работал до последней минуты. Прощаясь с Петром Ильичом Гелазонией, я склоняю голову перед величием его скромного по наружности, а на деле благородного подвига.

Хочу не делать, но делаю, хочу делать, но не делаю

Борис Бим-Бад

Как это возможно, чтобы кто-то поступал иначе, чем так, как он же сам считает правильным и лучшим?

Вот пришел к резонному решению, но не осуществил его. Почему? Слабость воли? Конфликт мотивов? Невоздержность, изнеженность, избалованность?

Не принимаем в расчет невроты — навязчивые состояния (например, человек по пятьдесят раз в день моет руки или создает и выполняет странные ритуалы, чтобы оградить себя от несчастий).

Берем распространенные случаи типа употребления торта, когда едок торта как до, так и во время еды уверен, что «лучше этот торт не есть».

Вот рассказывает молодая девушка: «Сидим в компании друзей в кафе. Все заказали кофе, и я себе еще до начала встречи сказала, что ничего «вкусненького» к кофе покупать не буду. Только кофе, и всё. И ничего не купила, кроме кофе. Одна девушка, из лучших побуждений, купила себе и каждому из нас по маленькому печенью. Я сказала сначала: нет, спасибо, я не буду. И не ела. Потом, по прошествии некоторого времени, я все-таки съела одно.

Осталось лежать еще одно, последнее, печенье. Я его не ела, наша встреча шла к завершению. Печенье продолжало лежать.

И потом, когда я поняла, что печенье так и останется на тарелке и его придется, наверное, выкинуть, я съела последнее печенье! Потом сразу же стала себя за это ненавидеть, опять зареклась так не делать.

Всегда такое повторяется.

Также был случай с подтаявшим мороженым. Его никто не хотел и не стал есть. А я съела и потом опять начала себя за это ненавидеть. И даже когда пришла домой, продолжала себя этим мучить и долго не могла уснуть.

Иногда я также замечаю: когда я в кругу друзей, я совсем не делаю того, что сделать необходимо. Например, я знаю, что у меня тушь потекла, но мне так весело с друзьями, что я просто не иду поправить макияж и так с потекшей тушью и сижу. Иногда с подругами иду к зеркалу, они поправляют макияж, а я стою рядом и просто болтаю. Хотя знаю, что мне бы тоже нужно тушь подтереть».

Перед нами — проявления акрасии. Акрасия (др.-греч.: «нехватка власти над собой») — поступок вопреки собственным правильным суждениям. Проблему акрасии четко сформулировал Платон. Его Сократ (в диалоге

«Протагор») ставит вопрос, как это возможно для человека: знать, что он поступает дурно, и не воздерживаться. Как можно, имея правильное представление, вести невоздержанную жизнь.

Сократ отвечает: такое возможно только в том случае, когда человек чего-то важного не знает или знает недостаточно хорошо. Знающий не способен быть невоздержанным, ведь нелепо, по мысли Сократа, если, несмотря на имеющиеся у человека знания, верх в нем одерживает нечто иное и таскает его за собой, как раба.

Никто, уверял Сократ, не ошибается нарочно. Никто не говорит себе: «Вот сейчас возьму да и ошибусь. Сделаю что-нибудь неправильное, вредное, даже роковое. Буду отвратительным. Стану потом ненавидеть себя и жалеть об этом поступке».

Сократ и Платон считали, что ошибки мы совершаем по неведению, принимая свое мнение за знание. Даже правильное, но не подкрепленное объяснением мнение нельзя назвать знанием.

Аристотель развивал эту мысль, подчеркивая принципиальное отличие точного, проверенного научного знания от знания чувственного. «Дело в том, что страсть не возникает в присутствии знания, которое считается научным в собственном смысле слова, и это знание не увлекается силою страсти; страсть возникает, когда в нас присутствует только чувственное знание».

Если невоздержный, зная, что поступает дурно, тем не менее, поступает так под влиянием страсти, то воздержный, зная, что его влечения дурны, не следует им благодаря *рассуждению*. Людям, которые живут по страсти и по страсти же преследуют всякую цель, познание не помогает, так же как невоздержным, но для тех, чьи стремления и поступки согласованы с *рассуждением*, знание будет в высшей степени полезно.

Некоторые утверждают, — продолжает Аристотель, — что невоздержный одержим удовольствиями как имеющий не знание, а только мнение. А если это в самом деле только мнение и не точное знание и если удовольствию и страсти противодействует не четкое представление, а смутное, как у нерешительных, то можно посочувствовать тому, кто не придерживается этих мнений и представлений перед лицом сильных влечений. Но испорченным не сочувствуют, так же как всему прочему, что достойно осуждения.

Влечения Наряду с явлением акрасии, предполагающим борьбу человека с собой, существуют желания, которые реализуются без особого

сопротивления (например, как у героя Максима Горького в «Жизни Клима Самгина»: «Тянет к онанизму, хоть руки отрубить. Есть, брат, в этом влечении что-то обидное до слез, до отвращения к себе».).

Влечения отличаются тем, что смутно требуют от сознания некоторого контроля, «цензуры», а подчас и защиты. В высшей степени мучительны так называемые зависимости, например, тяга к алкоголю, никотину, наркотикам.

Известно, что «ум с сердцем не в ладу» (А. С. Грибоедов), что логические решения противоречат подчас весьма сильным желаниям. Получается, как у героя Ф. М. Достоевского в «Братьях Карамазовых»: «Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой».

Вот перед нами исповедь старшеклассника. «Было это давно, классе в седьмом — восьмом. Остались мы с двумя приятелями на уроке, контрольные работы переделывать. Один из них все быстренько сделал и убежал домой. Остались мы вдвоем, но вскоре тоже закончили дела учебные и направились в гардероб, куртки забирать. И тут мне попала на глаза красивая женская курточка. Внешне казалась недешевой. Сорвал ее с крючка (раньше вообще это делали часто, даже одноклассники у друг друга). И накрыла меня некая волна безумия — начал топтать эту куртку, приятель присоединился к «празднику». Мне показалось мало, и я начал раздирать куртку на две части, потом еще каждую часть по разу. Нахаркали в куртку, оторвали молнию... В общем, тогда это казалось веселым. Без понятия, как потом хозяйка куртки домой шла в холодную осеннюю погоду и что с ней творилось, когда она вошла в гардероб».

Мог ли этот молодой человек удержаться от внезапного приступа ярости и радости безнаказанного разрушения? Несомненно. «Неправда, чтобы человек не мог воздержаться от чего бы то ни было. Не может воздержаться только тот, кто вперед уверил себя, что он не может», — справедливо утверждал Лев Николаевич Толстой («Путь жизни»). Каким-то уголком сознания любой впадающий в бешенство человек следит за собой и фиксирует изменения в обстановке. Стоит показаться на горизонте свидетелю его безобразий, как он мгновенно пытается скрыться с места событий.

Что же может остановить раздраженного или озлобленного ребенка в момент, когда он неожиданно для себя совершает поступок, который у него же самого не встречает одобрения? Внутренний тормоз автоматически срабатывает у тех, кто натренирован в контроле над своими импульсами. Сдержанность — умеренность в действиях и проявлении эмоций, торможение внутренних побуждений — воспитывается благодаря упражнению и становится чертой характера. Привычку «владеть собой» приобретают люди, которым с малых лет предоставлялись случаи гасить вспыльчивость и предотвращать разнузданность.

«Кто силен? — Себя обуздывающий», — напоминает Лев Толстой.

Воспитание внутренней силы

не сводится к разъяснениям и увещаниям. Совместные с детьми рассуждения на эти темы необходимы, но недостаточны. Главное — тренировка в правильных поступках.

Разумеется, с небольшим комплектом правил желательнее растущему человеку не расставаться:

- 1) Уступать себе в мелочах, чтобы не уступить в главном.
- 2) Во всем держаться золотой середины («ничего слишком»).
- 3) Разбираться в своих желаниях («мало ли чего нам хочется»).
- 4) Быть, а не казаться; быть большим, чем кажешься себе и другим; точно оценивать свои силы.

Полезны и напутствия великих знатоков человеческой природы, таких, как Аристотель, Кант, Толстой. Лев Николаевич Толстой, например, власти человека над собой посвятил ценные на все времена размышления:

«Если ты не знаешь, как быть, сделать или не сделать, знай вперед, что всегда лучше удержаться, чем сделать. Если бы ты не в силах был удержаться и если бы ты наверное знал, что дело хорошее, то ты не спрашивал бы себя, сделать или не сделать; если же спрашиваешь, то, во-первых, знаешь, что можешь удержаться, а во-вторых, наверное знаешь, что дело не вполне хорошее. Если бы дело было вполне хорошее, ты бы не спрашивал.

Если тебе чего-нибудь так хочется, что даже кажется, что ты не можешь воздержаться, не верь себе.

Всякий раз, когда чего-нибудь очень хочется сделать, остановись и подумай: хорошо ли то, чего тебе так очень хочется.

Сколько бы раз ни пришлось тебе падать, не достигнув победы над своими страстями, — не унывай. Всякое усилие борьбы уменьшает силу страсти и облегчает победу над ней» («Путь жизни»).

Современному родителю могут пригодиться и открытия, сделанные психологами в последнее время. Так, специалисты в психологии спортивных тренировок утверждают, что прямые приказы самому себе не срабатывают.

Один из важнейших секретов управления собой заключается в том, что наша душа не принимает прямолинейности, грубого нажима. За счет одного только желания или усилия воли очень трудно, например, ускорить частоту сокращений своего сердца или сразу же выделить большое количество слюны. Однако при воспоминании о какой-нибудь острой ситуации из недавно пережитых бурь пульс учащается сам по себе (да еще как!). А яркое представление разрезанного, истекающего соком лимона тут же вызывает обильное слюноотделение.

Оказывается, в обращении с самим собой нужны своя дипломатия и свой особый язык — язык образов. Там, где не достигает цели волевой самоприказ, более действенными оказываются яркие воображаемые картины. И овладение различными техниками саморегуляции во многих случаях будет успешно лишь в той мере, в какой у человека развито воображение.

Ассоциации, к созданию которых фактически и сводится мастерство человека, который хочет достичь победы над собой, — это не что иное, как яркость, раскованность и творческая сила воображения.

Развивая у детей воображение, вы научите их принимать во внимание и последствия их поступков.

Дети в черном, без ажюра, на пуговицах

Отмена в начале 90-х советской школьной формы расколола общество на две части. Одна категорически приветствовала истребление кошмара своего детства, другая столь же активно протестовала против возможного теперь соревнования по части фасонов и стоимости нарядов, а также замывала руки оттого, что теперь уж точно дети будут ходить в школу «не за тем». С тех пор прошло два десятка лет, споры утихли, а школьная форма осталась. Но приобрела какой-то странный вид и смысл...

Платье, фартук, бантики

Родители нынешних школьников не меньше восьми лет своей жизни провели в школьной форме. А некоторые — и все одиннадцать. Все неприятное уже забылось, вспоминается только забавное и радостное. И символом того вроде бы «безмятежного и счастливого» времени является школьная форма. На самом деле образ старательно формируется кинофильмами и шоу-бизнесом, публикациями в прессе и даже Интернетом — по запросу «школьная форма советского образца» поисковик выдает два миллиона страниц.

Лично мне последней советской формы — синей юбки и пиджака — не досталось, я окончила школу как раз перед ее введением. И на «первый раз в первый класс», и на последний звонок у меня было коричневое шерстяное платье.

Ненавидела я его люто. По тогдашней традиции оно покупалось на вырост, поэтому за десять лет я износила их всего два. Первое кончилось, кажется, к концу четвертого класса — с лоснящимися, а затем заплатанными рукавами, сначала длинноватое, а под конец смущающе короткое. Все эти годы меня душил воротник-стойка, на талии поначалу ощущался жутко неудобный валик, посредством организации которого только и можно было подшить гофрированную юбку, подтянув ее вверх. Следующую форму я потребовала непременно с отложным воротником, застежкой на груди и без всяких складок. К девятому классу опять укоротившееся платье я удлинила широкой оборкой из подходящей ткани, так и школу окончила.

Сентябрь в мегаполисе по температуре еще практически летний месяц, в это время ни один человек не напяливает на себя глухую шерстяную одежду. Но советские школьницы обязаны соблюдать порядок, поэтому уже через неделю, максимум две, платье начинало, пардон, попахивать. Чистить платье полагалось по окончании

учебного года в химчистке, поскольку процесс занимал не меньше недели, и за каникулы можно было не уложиться по срокам. Домашняя стирка же, считалось, должна была непременно испортить ткань. Таким образом, с середины сентября до весны мое платье не чистилось, а дурной запах истреблялся в выходные методом вымораживания на балконе. Не знаю, как выходили из положения в других семьях — мы не обсуждали эту тему с одноклассниками. Но стоит ли говорить, что именно школьной форме я обязана массой подростковых комплексов?

К коричневому платью полагался черный фартук. На жару это означало: еще один слой шерсти. Сочетание темно-коричневого с черным до сих пор вызывает споры. А два десятка лет назад оно однозначно не одобрялось продвинутыми дизайнерами как слишком мрачное и беспросветное.

Как большинству молодых людей, «черного» периода в одежде мне избежать не удалось, а вот первая коричневая вещь в моем гардеробе появилась только спустя лет семь после окончания школы, причем не от хорошей жизни: коричневую юбку относительно оригинального фасона и по сходной цене пришлось купить из-за ограниченности выбора. Правда, оттенок ее сильно отличался от школьного. «По доброй воле» коричневый цвет вернулся в мою одежду еще лет через пять.

Нужно ли говорить, как я была рада отмене этого коричнево-черного кошмара! Подчеркну — не формы как таковой, а именно всесезонного и всепогодного шерстяного платья с абсолютно несовременным фартуком. И когда формой стали костюмы, позволявшие менять блузки хоть каждый день, оставалось только жалеть, что самой их уже не поносить.

Одним из самых серьезных аргументов сторонников школьной формы было и остается значительное снижение возможности для учеников (учениц, главным образом) «соревноваться» между собой в нарядах и украшениях, демонстрировать материальный достаток семьи. Но даже в те глагобо советские времена можно было купить форменное платье не в обычном магазине, а в ателье центрального «Детского мира» на четвертом этаже. Школьная форма там была дороже обыкновенной раза в полтора, зато фасоны были посовременнее, а отложной воротничок украшался цветной вышивкой, что сразу повышало статус обладательницы в глазах одноклассниц.

Красный, желтый, голубой — выбирай наряд любой

В новом веке вопрос вроде бы уже решен. Любая школа, претендующая слыть «приличной», форму требует. Однако она перестала вызывать в сознании определенный образ — под формой теперь понимается единообразие в одежде, причем речь может идти как о школе в целом, так и об учениках одного класса. Первое при существе все-таки «элитным» учебным заведениям. А покупка формы по классам — остальным. Есть, правда, третья и четвертая группы школ, где формы просто нет. Там дети либо просто должны «выглядеть прилично», либо на их вид вообще никто не обращает внимания, поэтому посещение уроков возможно даже в спортивных штанах — в этих школах рады самому приходу ученика.

Стремление школы, куда я отдала своих детей, одеть одинаково учеников одного класса мне показалось достаточно демократичным и вполне разумным. Кроме обычных аргументов «за», завуч начальных классов (а разговор был весной перед первым классом) привела еще один: если мы видим в школе плачущего потерявшегося ребенка, то по его одежде безошибочно определяем, в какой класс его вести. Родители умилились такой трогательной заботе, и дальнейшее обсуждение уже было по существу.

Оказалось, есть два варианта действий. Первый — заказать в ателье одежду на весь класс сразу, причем прямо сейчас, к осени аккуратно поспеем. Но если к 1 сентября изменится состав класса (кто-то переедет или придет новый ученик, или кто-то перейдет в параллельный класс), то ушедшие потеряют деньги, заплаченные за форму, а новички не смогут выглядеть, как все остальные, потому что кончатся ткань или ателье не примет индивидуальный заказ, да мало ли еще почему... Кроме того, весной невозможно учесть, как вырастет ребенок за лето, а шиться все будет строго по весенним меркам. Вариант забраковали.

Другой путь был не сильно дешевле, но попроще в реализации. Родителям предстояло в сжатые сроки (чтобы всем успеть купить одинаковое, пока оно не кончилось) посетить определенную фабрику детской одежды: в тамошнем магазине (читай: по минимальным ценам и в максимальном ассортименте) есть все, что необходимо. Учительница как самая опытная из присутствующих выступила с рекомендациями: девочкам юбки лучше не покупать, так как из них выбиваются блузки, обратите внимание на сарафаны. Договорились о цветовой гамме — берем синее с клетчатыми вставками.

Товароведы по совместительству

Я с удовольствием трачу на детей деньги (когда они есть), но при этом стараюсь распорядиться средствами максимально рачительно. Так, ни за какие копейки — и даже если мне за это доплатят! — я не куплю детям одежду из «стеклянной» синтетики. И на себя не надену, потому что ходить в

этом невозможно. Любовь к рукоделию, какое-никакое знание рынка пряжи и тканей — и вот уже можно себе представить реальную цену готовой детской и взрослой одежды. А затем уже решать, стоит ли платить за нее столько, сколько просит продавец или производитель.

Со школьной формой моя методика не сработала, и дело было даже не в конкретной фабрике. Некие сочетающиеся между собой по ткани и стилю предметы одежды производят сейчас, похоже, все, кто вообще производит детскую одежду школьного размерного ряда. Каждая такая коллекция называется «формой». Миленько, симпатичненько, современненько. Но вот при ближайшем рассмотрении...

Прежде всего, мне не понравились цены. Минимальный набор — сарафан и несколько блуз — опустошал кошелек долларов на 100-150 в рублевом эквиваленте. Точно знаю, что смогла бы купить аналогичную по функциональности и «приличности» одежду почти вдвое дешевле, если бы не необходимость приобрести форму на фабрике. Но далеко не все родители ограничиваются минимальным набором — всего через год очередным первоклашкам в нашей школе родители построили в ателье целый гардероб: сарафан, жилетка, юбка, брюки, пиджак и блузки. Причем все — сложного девчачьего кроя и оформления, с обо-

рочками. Представляете, в какую цену это влетело?!

Во-вторых, на фабрике мне не понравились абсолютно все использованные ткани, несмотря на «добавление натуральных материалов». Возможно, смесовые ткани по некоторым потребительским качествам и превосходят полностью натуральные, но вот, к примеру, в «полушерстяном» материале шерсти (по ГОСТу!) может быть всего-навсего 20%. А как носить оставшиеся синтетические 80%, да еще ежедневно по шесть-семь часов?

Справедливости ради надо сказать, что я не знаю, как при столь интенсивной эксплуатации повела бы себя любимая мной одежда из натуральных тканей. (Хотя, насколько помнится, при аккуратном обращении коричневое чистошерстяное платье, по крайней мере, выглядело опрятно.) На потраченные на современную школьную форму деньги я смогла бы приобрести значительно большее количество предметов, следовательно, каждый из них и износился бы меньше. Проблему могло бы решить приобретение сразу двух комплектов формы, но даже один ударил по кошельку сильнее ожидаемого — одежда для школы оказалась в гардеробе моей дочери самой дорогой по деньгам и самой плохой по качеству. Будь возможность, такой я не купила бы никогда. Но возможности нет; похоже, одежда для школьников — это еще одна неиссякаемая золотая жила для предпринимателей, наряду с медикаментами, едой и учебниками.

Сарафаны, как и ожидалось, пошли катышками очень быстро. Отдельные мамы обирали их руками практически ежедневно, но к возвращению из школы одежда опять имела неопрятный вид, причем то, насколько аккуратно ее носят, не имело никакого значения. Однажды посаженное пятно оставалось на юбке навсегда — оно не выводилось и не отстирывалось, хотя на обычной одежде мне удается побеждать пятна весьма успешно. Пиджаки, купленные доброй половине учениц, пригодились от силы два раза за зиму — класс на солнечной стороне и хорошо отапливается. А вот брюки удалось купить только одной девочке — когда все остальные сообразили, что зимой в них удобнее, чем в юбке, они на фабрике уже кончились.

Операция «Переодевание»

Желаемого единообразия в нашем классе достигнуть все равно не удалось — не совпадали оттенки и рисунок клетки. Кроме того, очень скоро, буквально к концу второго класса, вопрос встал вновь во всей остроте, потому что дети выросли.

Родительская общественность захотела еще и нового цвета — вишневого. Отправленные на фабрику гонцы доставили каталог и образцы тканей. Две недели у школы шло обсуждение будущих рабочих нарядов наших дочерей. «С погружением» столько выдержать в этой теме просто невозможно. Новая форма тоже была куплена заранее. К окончанию начальной школы и ее срок вышел, и всю форму было решено свести к трикотажной жилетке — тоже вишневой, но с белыми ромбами. Раскраска не редкая, но и не очень распространенная. Поэтому и жилетки пришлось покупать в срочном порядке, когда и где доложила разведка родительского комитета.

А что же мальчишки? Когда в школу пошел сын, то оказалось, что с ними все существенно проще. Тоже недешевая и низкокачественная трикотажная жилетка (зато всего одна) и темно-серые брюки — вот и вся форма. Правда, брюки «любимого цвета и размера» в нужный момент, как назло, исчезли из продажи, не повезло половине класса. Поэтому брюки были куплены черные — не ходить же на учебу без штанов.

Жилетка не только подверглась очень скорому естественному износу — это ожидалось. Оказалось, при письме в классе и завтраке-обеде в столовой она зацепляется за край парты и столов, поэтому на ней образуются вытянутые петли, со временем создающие легкую мохнатость на пузе. Пятна на ней еще виднее, чем на девчачьих сарафанах, а при стирке с жилетки бежит раскраска.

Услада для глаз

В пятый класс дочь пошла в новой жилетке с белыми ромбами, но еще до снега выяснилось, что решение о цвете формы почему-то принималось без учета мнения классного руководителя. А она предпочитает черные жилетки. Детям предлагалось прийти в них уже после зимних каникул.

Я так и не поняла, чем была вызвана такая спешка, что за необходимость заставила менять форму среди учебного года. И куда предлагалось деть уже ненужную красоту в ромбах. (Нам-то повезло больше других — именно такие жилетки было решено купить мальчишкам в классе у сына взамен изодравшихся всего за год.) И почему новые жилетки должны быть черными — детям-то всего по десять лет, подобная цветовая гамма им совершенно не по возрасту. Что до моей дочери, то ее внешность черное тогда просто «убивало» — это не давало ей возможности носить красивые взрослые вещи и головные уборы. Да и какой бюджет выдержит покупку формы раз в полгода! Но, как водится, покричали,

повозмущались и купили. Не раздувать же, в самом деле, скандал из-за такой мелочи, как жилетка. Хотя, конечно же, требовать в этом вопросе классный руководитель ничего не имеет права.

Однако относительно легкая победа ее, видимо, воодушевила. Когда по случаю мне удалось купить несколько белых хлопковых блузок, радость дочери оказалась чересчур бурной. Довольно урча, она немедленно затолкала в самый дальний угол цветные кофточки, которые до недавнего времени называла любимыми.

— Они что, тебе разонравились?

— Не-а, только ходить в них больше некуда.

Оказалось, что под черной жилеткой классная дама предпочитает видеть белое. Сама она так всегда и ходит, иногда заменяя черные брюки серой юбкой. Детям подобная вольность не разрешается — все, что ниже жилетки, тоже должно быть черным, слава богу, юбка или брюки — без разницы.

Белая тема продержалась недолго. Уже в новом учебном году дети изучили график присутствия учительницы в школе и в безопасные дни стали приходить в цветных кофточках.

Педагогическое наступление продолжалось. Никаких пожеланий по поводу фасона или материала, из которого должна быть изготовлена жилетка, мы не слышали, но, как будто бы по известному анекдоту («как не знаю, но не так»), некоторые жилетки вдруг признавались слишком ажурными, или с очень уж сложным вывязанным узором, или недостаточно черными, а значит, нарушающими требования формы.

Судя по отсутствию реакции прочего педколлектива, включая замдиректора, на «вольности», все эти требования — самостоятельность классной руководительницы. Замечено также, что между успеваемостью и оценкой внешнего вида учениц педагогом имеется некая зависимость: чем выше оценки, тем сильнее может быть отклонение расцветки кофточки от определенной учительницей гаммы или длиннее серы в ушах.

Джинса не пройдет!

Как и кофты на молниях

Объясняя нам необходимость школьной формы (про плачущего ученика), завуч изложила, чего она не потерпит в учебное время ни при каких условиях: джинсов и спортивных штанов. Со вторыми все понятно — привет браткам из 90-х. А вот джинсы... Далеко не все люди в возрасте испытывают ненависть к этой функциональной одежде. Требования к ее безупречной чистоте — да, только классические модели, исключение стразов, пайеток и «художественных» дыр — да. Но чтобы полное исключение...

Но нельзя так нельзя. Однако и здесь все не так гладко. Если кто-то думает, что джинсы — это ткань «деним», или синий цвет, или потертость, или пять проклепанных карманов, то он, как оказалось, ошибается. Потому что джинсы это или не джинсы — тоже определяют учителя. Критериев мне ни выяснить, ни уяснить так и не удалось. Черные брюки джинсового покроя из ткани, которая раньше называлась саржей, вопреки опасениям моей дочери, джинсами признаны не были.

Джинсы на учителях, несмотря на нынешнюю демократию, в большинстве школ все-таки тоже не приветствуются. Но когда грянули экстремальные морозы, стало не до дресс-кода, хотя утеплиться одноклассникам моего сына (они тогда учились во втором классе) учительница так и не разрешила, а девочкам, натянувшим поверх форменных сарафанов теплые кофты, сделала замечания.

А вот в соседней школе педсостав оказался куда человечнее. И местами — оригинальнее. Учителя в те дни вели уроки и в джинсах, и в куртках — мерзнуть на рабочем месте им негоже. Некоторые даже разрешали ученикам брать из раздевалки пальто и сапоги. В этой школе, в отличие от нашей, формы практически не существует, только дресс-код: «темный низ, светлый верх», под запретом чересчур яркие водолазки, цветастые блузки, толстовки с принтами... Чтобы пережить природный катаклизм полным составом, детям практически официально разрешили приходить на уроки тепло одетыми — до улучшения метеословий. Но выступившая по этому вопросу классный руководитель пятого класса особо подчеркнула: кофта ни в коем случае не должна застегиваться на молнию, независимо от цвета, фасона и назначения. Поскольку «у нас здесь общеобразовательная школа, а не спортшкола и не спортзал».

А вот третьеклассникам, сидевшим в это время практически в соседнем классе, молнии на теплых кофтах почему-то учиться не мешали — во всяком случае, их учительница совершенно не боролась за внешний вид своих воспитанников, пока на улице трещали морозы.

Форма для проформы

Что же получается? Официально вроде бы общей для всей страны школьной формы не существует, однако она практически обязательна для детей, посещающих школы, считающиеся «хорошими».

Форма вроде бы должна внешне смягчить разницу в доходах разных семей, привести, по крайней мере, всех одноклассников к одному внешнему виду — на деле же социальное рас-

слоение и разница доходов только подчеркиваются и усиливаются. Поэтому что это при советской власти детские товары дотиrowались государством и в магазинах продавались по смехотворной цене. Сейчас же они порой дороже аналогичных товаров для взрослых.

Покупка школьной формы способна пробить брешь в семейном бюджете почище любых других обнов. Выбор родителей здесь лежит не в сфере одежды, а в сфере дальнейшей жизни. Если в облюбованную для ребенка школу принято ходить в определенной форме, ее обязательно надо купить, даже если она не по карману, иначе, возможно, придется сменить школу.

В царской России в гимназической форме было можно и нужно «и в пир, и в мир, и в добрые люди». А сейчас школьникам нужна и одежда для отдыха и суботников, и нарядные платья. Уже к первым школьным каникулам во многих школах проводится Праздник осени. И на него нельзя прийти даже в самой дорожной форме — нужно красивое платье. Это понимают далеко не все родители — только к 1 сентября столько денег на ребенка потратили, и вот опять что-то покупать.

Отправлять ребенка в школу в чистой и опрятной одежде тоже получается далеко не всегда, если в учебном заведении введена форма. Многим по карману только один ее комплект, а стирать ее каждый день невозможно — материал такого обращения просто не выдержит.

Цвет, фасон да и просто «приличность» внешнего вида учеников часто определяются учителем, исходящим из собственных представлений о прекрасном. На вкус же и цвет, как известно... Хорошо, если вкус родителей и учеников совпадает со вкусом учителя, а если нет? Школьные педагоги могли бы считаться эталоном чего угодно, но только не художественного вкуса. Многолетняя работа в школе приучала их, особенно учителей старой формации, одеваться скромно и незаметно, не привлекая внимания, а вовсе не красиво и гармонично.

Нужна ли такая форма, как была в царской и советской России почти без изменений на протяжении без малого ста лет с небольшим перерывом, — шерстяные платья и передники? Точно нет. Нужна ли такая, как сейчас — нарядная, но низкосортная и дорожная? Тоже вряд ли. А вот дресс-код, определяющий, в каком виде подбавляет приходить в школу, — обязательно. Причем придерживаться его должны как ученики, так и педагоги. И влиять на него не должен чей-то вкус — в конце концов, сейчас имеется достаточно почти официальных правил этикета, предписывающих и нормы одежды, например, в офисах.

Бомжиха

Юлия Корчагина

Они догоняли меня и кидали в спину не то камни, не то комья засохшей земли.

— Бомжиха, бомжиха!

— Все помойки облизала, а спасибо не сказала! Ха-ха!

Я шла по улице с прямой спиной и старалась не плакать. Потому что если заплачешь, то преследовать будут долго, до самого дома. Лучше делать вид, что ничего не слышишь, и тогда они скоро отстанут.

Они отставали в конце концов, и остаток пути я могла просто идти, опустив голову, и рассматривать свои старые туфли и перекрученные над ними колготки со спущенными петлями. Из-за того, что колготки перекрутились, на них стали видны пятна — черные, из-под пяток, и желтые — непонятно откуда взявшиеся. На маминых колготках почему-то всегда были эти желтые пятна, которые ничем не отстирывались. Костюм тоже был мамин — слишком большой для меня — и оттого нелепый.

Нелюбимая дочь от первого брака, я была неухоженным, немного диким ребенком, оставшимся не у дел после второй свадьбы моей матери.

Одноклассницы, прекрасные гиперфемины с тонкими ногами и длинными ресницами, были моими смертельными врагами. Они были идеальны.

Как трудно было видеть их каждый день! От обиды и зависти у меня заострялся нос, сужались глаза и цепенело туловище. Я становилась похожа на озлобленного зверька, обиженного на весь белый свет. И характер у меня был такой же — крысиный, завистливый.

Зависть грызла меня изнутри и легко становилась заметной окружающим. Например, во время школьного обеда я всегда смотрела в чужие тарелки. Это была история не про голод — скорее, про желание компенсировать несправедливости моей жизни. Чужие порции казались мне больше и вкуснее, и я с трудом сдерживала желание отобрать еду у соседок по столу. Иногда они замечали это и, смеясь, предлагали мне остатки своих обедов.

С одеждой дело обстояло похожим образом. Несмотря на то, что моя семья не была особенно бедной, выглядела я убого. Моя одежда, даже купленная в магазинах, а не доставшаяся от мамы и маминых подруг, почему-то всегда оказывалась не того цвета, не того фасона и не того размера.

Мой вкус был дурным и неразвитым, и однажды, не совладав с иголкой и ниткой, я со злыми слезами разрешила ножницами несколько блузок.

В ночных снах я часто видела себя магазинной воровкой, торопливо снимающей с вешалок юбки и кофты, брюки и платья... Мои руки уже полны, но жадная страсть не ослабевает. Я отчаянно продолжаю искать самый лучший наряд, обладание которым сделает меня счастливой.

Мне всегда чего-то не хватало, а благополучие других людей резало глаз и причиняло боль. Чужие — а значит, лучшие — имена, прически, улыбки, голоса, движения, школьные отметки...

Но однажды случилась история, в которой последнее место досталось не мне.

В класс пришла новенькая — и я безошибочно своим крысиным чутьем уловила, ощутила, узнала в ней родственную душу. Тот же затравленный взгляд, те же полоски серой грязи под неровными ногтями,

та же несвежая одежда. Так выглядят нелюбимые дети.

Она пришла ко двору — моим одноклассникам давно хотелось новой жертвы.

Спектакль разыгрывался как по нотам, слаженно, вдохновенно. С новенькой будто хотели познакомиться, приближались к ней с улыбкой — для того, чтобы еще через секунду убежать, морщась и закрывая ладошкой нос. Всё новые желающие повторяли этот аттракцион, и класс снова и снова взрывался громким хохотом.

Ах, с каким упоением я смеялась! Сколько ярких чувств переполняло меня и выплескивалось через край! Восторг единения, радость принадлежности и превосходства. Ведь это не надо мной, ведь это я смеюсь и ликую, и тоже могу сделать своё победное «Фу-у!».

Новенькую я не жалела. Смеясь, я выплескивала свою злость, свою боль, свою обиду и страх. Свою досаду — где эта девочка была раньше, почему мне пришлось так долго ее ждать?

Только бы продолжалось, только бы не закончилось!

Перемена была длинной, и я решила, закричала неестественно громким голосом:

— Смотрите! А у новенькой вши!

У меня получилось.

— У нее вши! Не подходите к ней!!! — веселились девочки, а мальчишки щелкали пальцами над головой, делая вид, что ловят маленьких насекомых.

— Бомжиха! — крикнул кто-то, и слово попало в точку, подхватились другими.

Охваченная жаром, я продолжала смеяться, но этот смех не мог защитить меня от печального знания. Всё было неправдой, и не было никакой победы.

Настоящая бомжиха дрожала от страха и была от одиночества внутри меня, под серой крысиной шкуркой.

Маски Дали

В Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в рамках перекрестного года «Испания — Россия» проходит выставка «Сальвадор Дали» из собрания Фонда «Гала — Сальвадор Дали» (г. Фигерас). Представлены произведения живописи, графики, объекты, созданные художником в разные периоды творчества, уникальные фотографии. Дизайн экспозиции выполнен Борисом Мессерером.

Сюрреалистическая композиция с невидимыми фигурами. 1936

Уже на парадной лестнице музея нас ждет сюрприз: с потолка свешиваются длинные белые балахоны. Они что-то напоминают: то ли одежду Пьеро или скоморохов, то ли рубахи осужденных инквизицией, когда их везли на костер... На парапете лестницы метровые яйца и геометрические фигуры — любимые символы Дали. Как признался Мессерер, он попытался если не воспроизвести, то хотя бы в малой мере передать ту атмосферу ирреального,

Бабушка Анна за шитьем. 1920

которая создана в легендарном театре-музее в Фигерасе. Музей этот был задуман и построен самим Дали в каталонском городке Фигерасе, где он родился. Здесь он завещал себя похоронить, что и было исполнено. Параноидальные творения и дух великого мистификатора встречают посетителей. Слабонервные не выдерживают и, случается, падают в обморок.

На московской выставке никто в обморок не падал. На вернисаже было по-праздничному оживленно, и некоторые из присутствующих сошлись на том, что, несмотря на все старания Мессерера, Дали приоткрывает те маски, которые он сам себе придумывал и которые придумали журналисты и поклонники. Ох, уж эти маски!.. Что стоит рассказ Арама Хачатуряна об аудиенции у Дали, когда тот выскочил в чем мать родила и исполнил танец с саблями. А встреча с Америкой, когда художник сошел с корабля с трехметровым батоном в руках. На великосветский бал приехал в шляпе, украсив ее протухшей селедкой. Конца нет этим рассказам. У всех в памяти застывшее лицо-маска с антеннами усов. Дали уверял, что кончиком уса мог нарисовать муху со всеми лапками и волосками... Он сыграл свою

Портрет Гала с двумя бараньими ребрышками, удерживаемыми равновесием на ее плече. Около 1934

жизнь как спектакль. И без мистификаций и эпатажных выходов Дали представить невозможно. Его биография, его маски — это часть его творчества.

В тридцать семь лет он пишет мемуары, которые называет «Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим». Можно предположить, что здесь-то художник раскрыл свое истинное лицо. Но все, что с ним происходит, похоже на вымысел. Так, свою биографию Дали начинает с впечатлений внутриутробного развития. Уверяет, что именно тогда испытывал восторг и блаженство, сходное с райским. При родах же ужасающая реальность нового мира обрушилась на него всей удушающей тяжестью. В детстве он поступал не как все, а наоборот. Случайное совпадение с кем-то повергло его в транс, он мог разрыдаться. Он был один-единственный!.. Сверстники считали его психом, тем не менее он всегда оказывался в центре их внимания. Он рисовал, не считаясь с указаниями учителя. И учитель не только не сердился, а, захлебываясь от восторга, объявлял его гением. Работы школьника попадают на городскую выставку, и журналисты (он помнил их фамилии всю жизнь!) пророчат ему блестящее будущее.

Вид Кадакеса с обратной стороны. 1921

Нос Наполеона, превращенного в беременную женщину, которая гуляет как грустная тень среди древних руин. 1945

Если это и выдумка, то очень талантливая, похожая на выворачивание себя. Не обходится без упоминания о притягательности патологических явлений, с которыми Дали встречался в детстве. А разве не вызывающе откровенен он в своей философии, в определении своего метода! Называет его «параноидально-критическим». И хотя признается, что не может понять, в чем этот метод заключается, утверждает, что это «логическая систематизация самых что ни на есть бредовых и безумных явлений и материй с целью придать осязаемо-творческий характер самым моим опасным навязчивым явлениям».

Разумеется, в окружении приверженцев Фрейда (а Дали был одним из них), в среде своих друзей, представителей сюрреализма: Андре Бретона, Поля Элюара, Макса Эрнста и других, — эти высказывания не казались ни вызовом, ни откровением. Но в отличие от других Дали стремился к широкой популярности, к всемирной славе. Значит ли это, что он понимал: его «художественное безумие» имеет притягательность и для широких масс? Не забудем, что он был свидетелем ужаса двух мировых войн и испанской революции, которая кончилась установлением режима Франко. Реальность ускользала, ее

взрывал страх. «Я брежу, следовательно, я существую. И более того, я существую, потому что брежу». Одна из формул XX века. При этом не представлял ли он себя чем-то вроде психоаналитика, а свое искусство не считал ли особым видом очищения, освобождения от страха?..

На одной из первых персональных выставок кто-то спросил Дали: «Это сюрреализм?» Он яростно закричал: «Ничего подобного! Это живопись! Слышите, жи-во-пись!» Он неустанно повторял, что утверждает Традицию. Он с детства благоговел перед Веласкесом, Рафаэлем, Милле, перед созданиями античности. Но мог ли он утверждать Традицию, если утверждал Себя?

Выставка в ГМИИ имени А. С. Пушкина примирила нас с Дали, с его невыносимой противоречивостью, с постоянным раздвоением, растрескиванием личности. Связано ли это с отбором работ (самых шокирующих вещей нам не привезли)? Или, может быть, при непосредственном контакте эмоциональное воздействие мастерства художника заставляет забыть его выверты? Мы видим, что в самых ранних, совершенно очаровательных вещах («Бабушка Анна за шитьем», «Вид Кадакеса с обратной стороны») художник находится под обаянием импрессионизма, Сезанна. А в более поздних работах возникают вариации на темы Веласкеса, Милле, но сквозь эти вариации прорывается своя тема и своя мелодия. «Сюрреалистическая композиция с невидимыми

Иллюстрация к первой части романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский». 1945

фигурами» (1936) — классика сюрра. На выжженном песке пустыни стоит кровать, закрытая простынями, и кресло в чехле. Вдали река, зеленые берега, написанные иллюзорно-отчетливо. Соединение несоединимого. Но все так «разяще зримо», так убедительно реально. И заползает страх, возникает ощущение ирреальности происходящего.

В стиле классических портретов Возрождения написаны портреты Галы, его любимой жены, доброго ангела или злого гения. Ничего мистического в этом некрасивом, но выразительном лице, вот только два бараньих ребрышка, удерживающие равновесие на ее плече...

Коллекция литографий открывает Дали как мастера рисунка. Его линия, то острая, то плавная, передает и стиль, характер образа, и восприятие его художником. На выставке наиболее полно представлены серия иллюстраций к первой части романа Сервантеса «Дон Кихот» и рисунки к «Автобиографии Бенвенуто Челлини». У него своя трактовка этих текстов, и понять ее не так-то просто. Но подходят ли к нему наши мерки, стоит ли «понимать» Дали?..

Л. Осипова

Девочки (дневник матери)

**Публикацию
подготовила
А. Раскина.**

*Продолжение.
Начало в № 8–12
за 2010 год
и в № 1–8 за 2011 год*

**Гале Кулаковской 15 лет 5 месяцев,
Саше Раскиной 10 лет 4 месяца.
8 сентября 52.**

Саша:

— Мама, знаешь в чем ошибка Луизы Олькот? [1] В том, что ни одна из дочерей не похожа ни на мать, ни на отца.

— Характером?

— Нет, лицом. По картинкам вижу: ни одна не похожа.

*

Саша:

— Мама, на твою долю выпало большое счастье быть любимой добрым и честным человеком. Посмотри, что пишет насчет этого Луиза Олькот: «Большое счастье быть любимой добрым и честным человеком, и я желала бы этого счастья моим дочерям. Вот каковы мои планы. Но я вовсе не желаю, чтоб мои дочери вышли непременно за богатых людей. Что за семейная жизнь, когда при деньгах нет привязанности между мужем и женой? Деньги хорошая вещь, но только тогда, когда ими разумно и честно распоряжаются, и богатство вовсе не стоит в жизни на первом плане», — до чего верно, правда, мама? Очень хорошая писательница Луиза Олькот.

9 сентября 52.

Саша:

— Мама, Сергей Васильевич так и сказал тете Зое: «Позвольте мне надеяться»? Ах, как хорошо: «Позвольте мне надеяться...» Как в книге... «По-зволь-те мне на-де-ять-ся...»

*

Ожидая к обеду Акимова [2], мы заняли столовый сервиз у соседей, потому что наши тарелки выглядят просто постыдно. (Все в трещинах и щербинах). Саша вернулась из школы, окинула стол внимательным оком, вызвала меня в соседнюю комнату и сказала шепотом: «Не беспокойся, я понимаю, что спрашивать, откуда эти тарелки, — нельзя».

3 октября 52.

Саша, видно, решила брать свою самостоятельность с бою. Вчера Аграфена Филатьевна пошла за ней в школу. Приходит — Саши нет. Ищет, мечется — никаких следов.

Оказывается, Саша, накопив предварительно 30 копеек, села на трамвай и поехала на Сретенку — без разрешения и впервые в

жизни одна, без взрослых. Что творилось с Шурой, описывать не стану.

Приехав на Сретенку, Саша позвонила домой и светским тоном сообщила, что все благополучно.

Шура не может придумать достойного наказания. Говорит: «Пороть, пожалуй, нельзя, велика. Буду давить на психику».

А за что, в сущности, давить на психику? Ей уже неумоготу ходить с провожатыми, ей хочется быть самостоятельной — вот она и добивается этого, как умеет.

7 октября 52.

Саша:

— Мама, мы шли с Галей Людмирской и разговаривали вот о чем. Если человек умер, а скорая помощь приехала не позже, чем через 5 минут — человека можно оживить. Получается очень хорошо: во-первых, человек может дважды в году праздновать день своего рождения, а во-вторых, его можно расспросить, что он ТАМ видел.

— Надеюсь, что ничего не видел.

— Почему? Ты думаешь, что лучше, чтоб это было, как сон? Человек уснул, и все?

— Да, я так думаю.

— А по-моему, все таки лучше вознестись куда-нибудь туда, — тут Саша подняла глаза к небу, — а, мама?

8 октября 52.

Сегодня нашему папе 38 лет. («Александр Иванович Корейко был в последнем приступе молодости — ему было 38 лет»).

Мы шли с Сашей по улице и раздумывали, что бы подарить Шуре.

— Давай подарим подстаканник, — сказала я.

— Нет, не надо. Он ведь пьет из чашки. А потом — металл хороший проводник тепла, подстаканник будет горячий, и папа станет обжигать руки. А скажи, что дороже — подстаканник или книга?

— Подстаканник, конечно.

Портрет А. Б. Раскина работы Н. П. Акимова. 1940-е годы. Фон картины отсылает к ташкентскому периоду. А. Б. называл этот портрет «Русский на Востоке».

— Почему «конечно»? Ведь людям книги гораздо нужнее, чем подстаканники? Ах, наверное, потому они и стоят дешевле — вот без хлеба совсем нельзя — поэтому он самый дешевый. Без книги тоже нельзя — поэтому они тоже дешевые.

*

— Мама, у каждого писателя своя привычка. Вот Диккенс, например, любит забегать вперед. Он пишет: «Она не знала в эту минуту, что много лет спустя...» или: «Прощаясь с ним, я не думал, что в последний раз пожимал его руку, как руку друга...» И еще много. А Каверин, например, любит писать: «Прошло три года», «прошло пять лет».

В общем, своим умом дошла до понимания некоторых особенностей Диккенсовской композиции. Здорово!

*

Саша с величайшим удивлением слушает текст песни из «Свадьбы с приданным».

Я люблю тебя так,
Что не сможешь никак
Ты меня никогда, никогда разлюбить...

Саша, с насмешкой: Из вежливости, что ли?

*

Саша:

— Мама, я очень не люблю, когда ты разговариваешь со мной, а думаешь о другом. Помню, когда я была совсем маленькая, я тебя спросила: «Ты любишь немцев?» — и ты ответила: «Да», — и только *когда я закричала от ужаса*, ты объяснила, что отвечала машинально. Я тогда в первый раз узнала, что такое МАШИНАЛЬНО. Так вот, я не люблю, когда ты отвечаешь, а сама думаешь о другом. Пожалуйста, когда говоришь со мной, думай только про меня и больше ни про кого.

15 октября 52.

С Сашей в троллейбусе заговорили по-армянски. Она сказала:

- Я не понимаю вашего языка.
- А разве ты не армяночка?
- Нет, я русская.
- С такими черными глазками — русская?
- Я в том смысле, что *советская*.

29 октября 52.

Саша впервые получила двойку. По географии.

Шура:

— Все потому, что ты ленишься. Потому, что читаешь, вместо того чтобы учить уроки! Запрещаю тебе читать!

— А ты... а ты... разве... никогда... не получал... двоек? — рыдая, спрашивает Саша.

— Никогда! — гремит Шура (немного спустя, он объясняет мне, что двоек действительно не было: все дело в том, что в его школьные годы не ставили двоек, а ставили «неуд»).

Потом Шура уходит, а Саша, плача и рыдая, говорит мне:

— Пожалуйста, поцелуй меня... потихоньку от папы...

*

Мы с Шурой смотрели фильм «Господин Фабр». Шуре очень понравилось, как великий ученый кричал: «Дочери Фабра не выходят замуж! Мои дети нужны мне самому!»

13 ноября 52.

Саша снова хворает. Ангина.

14 ноября 52.

Обычно дети, когда у них высокая температура — спят весь день напролет. Саша — не спит. Она рада, что дорвалась до меня, и поэтому размышляет, рассуждает до потери сознания («моего», — добавляет Шура).

Доктора она изумила тем, что подробно расспрашивала:

— А яйцо всмятку мне можно? А сосиски? Рыбу? Жареное мясо?

Доктор привык — если ребенок болен, он есть не хочет.

— Это хорошо, что она у вас не теряет аппетита, несмотря ни на что. Я, знаете ли, в первый раз вижу, чтоб с температурой в 39 хотели жареного мяса.

15 ноября 52.

Саша:

— Мама, обычно в книгах есть незначительные люди и главные. А у Диккенса все главные, все важные.

— Ну, как же — Давид Копперфильд — главнее других.

— Да, конечно, но все-таки такого, как у тебя Трофимов [3], у него нет. Всех его людей прямо до косточки видишь. Даже лавочник, у которого живет Пеготти с Баркисом — и то я про него все могу рассказать. А про Трофимова что расскажешь?

Очень верно: про Трофимова рассказать нечего. Она, видно, хотела сказать, что у Диккенса нет бледных персонажей.

*

Саша:

— Мне очень нравится этот доктор. Он сказал: «Не ограничивайте ее в пище».

*

Саша:

— Мама, я совсем не думаю о том, что сегодня. А думаю либо про каменный век, либо про коммунизм. Вот какое дело.

*

Саша:

— Мама, я теперь всегда слушаюсь, когда ты не велишь читать какую-нибудь книгу. Потому что, когда мне было 6 лет, я стала читать «Давида Копперфильда» и мне не понравилось. А сейчас как понравилось! Я, конечно, не стану читать эту книгу во второй раз, потому что она очень грустная. Но она очень хорошая. И так мне жалко матушку Давида. Хотя она зря вышла замуж за Мордстона, правда?

И вот, когда ты мне сейчас говоришь: «Тебе рано читать эту книгу», я вспоминаю, как я в 6 лет стала читать «Давида». И теперь я всегда тебя слушаюсь.

*

— Очень, очень жалко, что матушка Давида вышла замуж за Мордстона. Но с другой стороны, если б она за него не вышла, Давид не встретился бы с Агнессой и не женился бы на ней.

— А кто тебе больше нравится: Агнесса или Дора?

— Агнесса, конечно, умнее, но Дору больше жалко.

17 ноября 52.

Саша:

— Станный, непонятный человек — Борис Годунов. То бросается между царем и Федором, а то убивает мальчика. Нет, не верю я, чтоб он мог убить мальчика. Не убивал он!

*

Саша:

— Сначала у мамы в глазах смешинки. Потом она надувает щеки. А потом — смеется. Я даже придумала:

Щеки сощрашаются —
Мама огорчается.
Щеки надуваются —
Мама улыбается.

Папа, папа, посмотри: вот сейчас она засмеется! Видишь, я же сказала!

*

Саша:

— Мама! Нет — папа! Нет — оба! Послушайте!

23 ноября 52.

Мама, посмотри, как нехорошо пишет Зоценко: «Например, я знал одну маленькую девочку Лялю, которая считала только до пяти. И то, как она считала? Она говорила: “1, 2, 4, 5”. И “3” пропустила. Разве это счет? Это же прямо смехотворно. Нет, навряд ли такая девочка будет в дальнейшем научным работником. Скорее всего, она будет домашней работницей или младшим дворником с метлой». Нехорошо, да?

— Нехорошо, да. А почему?

— Ну, представь, что я читаю этот рассказ Ольге Леонидовне — она ведь обидится, правда? Нельзя обижать людей. А вообще я Зоценко люблю.

*

Сашу выписали на работу, но не велели до 1-го декабря заниматься физкультурой: надо поберечь сердце.

Саша:

— Мама, я боюсь *потерять расположение* учительницы по физкультуре. Она меня любит, а если я не буду заниматься физкультурой — возьмет да и перестанет любить.

— А ты почему знаешь, что она тебя любит?
— Ну, что ты, мама, разве человек не чувствует, когда его любят? (или: человек всегда чувствует, когда его любят, — не помню).

Подумав, добавляет:
— Она зовет меня по имени.

*

Саша не знает, что бы уж такое ей придумать:
— Мама, у меня *брови* болят!

*

На праздниках у Гали были гости. Маленьких не допускали. Разрешили — на птичьих правах — прийти только Саше. У Саши не хватило духу отказаться, и она была наказана за свое малодушие: ей, как я понимаю, пришлось испить чашу глубокого унижения.

— Понимаешь, мама, они все жаловались на то, какие у них отвратительные младшие братья и сестры. Таня сказала: «Хуже моей Динки нет никого». А Шурик Червинский не согласился: «Ну уж, нет: с моей Наташкой никто не может сравниться». Тогда Таня спросила: «А кто хуже — твоя Наташа или Саша?» И Шурик сказал: «Что ты сравниваешь этого ангела с моей сестрой?» Мне стало так обидно, так обидно, прямо ужас.

— Что же ты обиделась — тебя ведь называли ангелом?

— Мама, ну как ты не понимаешь, это ведь с насмешкой. Тут я взяла, обиделась и ушла в другую комнату — к папе Абе.

*

Была я на родительском собрании у Гали. Англичанка сказала: — Галия Кулаковская? Хорошая девочка, с большим чувством ответственности... и с чудовищным почерком...

Преподавательница литературы:

— Галия очень хорошая девочка — вы же сами знаете. Но почерк, почерк, доложу я вам...

25 ноября 52.

Саша, философски:

— Богатство — это одно. А счастье — это совсем, совсем другое!

*

Саша, подхалимски:

— Мама, когда ты веселая, ты такая красивая!!!

29 ноября 52.

Саша сидит у меня на коленях. На глазах у нее слезы.

— Саша, ты что?

— Я тебя люблю.

— Зачем же плакать?

— От любви.

— Ну, — говорю я, — я вижу, ты совсем глупая.

Саша молчит некоторое время, а потом спрашивает:

— Ты думаешь, что любить надо весело?

Ноябрь 1952.

Саша:

— Папа, я попросила у одной девочки карандаши, она мне не дала. Потом она у меня попросила, я ей дала. Потом я снова у нее попросила, и она опять мне не дала. Какая же польза от того, что я ей дала?

Шура:

— Польза та, что ты знаешь, что поступила хорошо, и можешь себя уважать.

Длинная пауза.

Саша:

— Вот Таня Урбанович говорит: мне всю жизнь (Тане 11 лет) внушают — плати добром за зло. Я и плачу! Но толку от этого не вижу ни-ка-ко-го!

Помолчав, Саша добавляет:

— Я тоже не вижу.

*

Саша, рисуя:

— Можно не иметь таланта, но можно стараться.

*

Саша:

— Почему очки делают женщину некрасивой? А мужчины от очков становятся такие внушительные. Разве можно себе представить Валерию Мессалу в очках?

— Это кто же — Валерия?

— Ну, как же: та, что любила Спартака. А Спартака в очках? Нет, нет, тоже нельзя! Смешно-то как, мама, подумай: Спартак — и вдруг в очках!

*

Саша:

— Мама, «шедевр» — это хорошо или плохо?

10 декабря 52.

Одному молодому человеку я помогла добыть рукопись на редактуру. Получив гонорар, он примчался к нам сияющий и положил на стол две коробки конфет: — Это вашим девочкам.

— У нас сегодня никто не именинник, — сказала я сердито.

Заикаясь, он что-то бормотал, объясняя, а я в свою очередь постаралась объяснить ему, что у меня нет обыкновения получать комиссионные. Он даже побледнел от негодования и стал почти кричать в ответ, как вдруг Саша подошла к столу, взяла коробки и, обращаясь к нему, сказала: «Большое вам спасибо!»

Я онемела, а молодой человек, вскричав: «И тебе спасибо, Сашенька!» — убежал с такой быстротой, что я даже не успела схватить его за полу.

Потом мы вместе с Шурой накинулись на Сашу и долго топтали ее ногами, а она только отвечала:

— Но ведь он ничего плохого не сделал... Он же так огорчился... Он ведь обиделся бы, если не взять.

*

Саша:

— Не могу уснуть, если ты не поцелуешь меня на ночь.

— А ты бабушку попроси — она поцелует.

Саша:

— Это не то!

*

На неделю приезжали Калабалины [4]. Когда Саша пришла из школы, я спросила:

— Как ты думаешь, кто это?

Она с минуту переводила глаза с Гали на Семена, а потом, засияв, воскликнула:

— Это Калабалины! Тетя Галия! Дядя Семен! Здравствуйте!!! Дядя Сеня, скажите папе, чтоб он отпускал меня в школу одну!

*

Галия рассказывает:

— Сегодня Элла Дроздовская на большой перемене говорит всему классу: «Слушайте, девочки, вот что я хочу вам сказать. Вчера я, Инга и Лиза пошли на каток. У самого катка какой-то мальчишка выхватил у меня коньки, передал другому, тот третьему. Потом коньки достались какому-то маленькому мальчишке, и я побежала за ним. А вся ватага больших парней кинулась за мной. Парень с коньками забежал в проходной двор, я за ним. Потом в какой-то безлюдный переулочек — я не отстаю. Но тут меня окружили большие парни и я, ни жива, ни мертва, стукнула одного напильником от коньков — у меня в руках был Ингин напильник. Они расступились, и я побежала обратно к катку — смотрю, ни Инги, ни Лизы — они даже не подождали меня — пошли на каток, хоть и видели, что за мной гналась целая банда. Разве так товарищи поступают?»

Саша:

— Эх, ма! Далеко еще до коммунизма!

Галия:

— Ну, мы этим девчонкам сказали. Они говорят: «Мы растерялись». А я говорю: «Растерялись и пошли на каток?»

В общем, мы дали им жизни! Надолго запомнят!

*

Галия:

— Мама, послушай, мы говорим нашему завучу: «Можно, мы вместе с мальчиками организуем фотокружок?» А она отвечает: «Нет, нельзя. Думаете, я не знаю, как фотографировать?» Мы говорим: «Как? Обыкновенно». А она усмехается и говорит: «Да, а проявляют в темноте...» Ты подумай только, мама!

Саша:

— Мама, а что она хотела этим сказать?

Лично я думаю, что таких надо убивать. Такая грязная подлога.

Дачная компания: Алеша Симонов, Саша, Таня Урбанович, Галя. Начало 1950-х.

Я молчу. Тогда Саша легонько толкает меня в бок — что, мол, не отвечаешь?

28 января 53.

Я:

— Саша, Шабанова и Людмирская — дружат?

Саша, подумав:

— Шабанова с Людмирской дружит, а Людмирская с Шабановой — водится.

*

Телефонный звонок:

— Можно Галю?

— Ее нет. А кто ее спрашивает?

— Вова.

— Здравствуй, Вова. Что передать Гале?

— Передайте ей, пожалуйста, что у меня есть ЛИШНИЙ билет в театр.

*

Саша:

— Мама, страшно подумать, если б я жила в Америке, я была бы плохая и думала бы плохо, неправильно.

— А сейчас ты хорошая?

— Ну! Советская же! А если б я жила там, я была бы за Эйзенхауэра, Трумена — даже дрожь пробирает, как подумаешь!

*

Саша:

— Мама, у меня такое желание, чтоб ты мне все время повторяла, что ты меня любишь.

*

Когда Саше с Таней было по 8 лет, а Алеше 11, он хорошо, с удовольствием играл с ними: девочки перед ним преклонялись, он ими помыкал, и все были довольны такой расстановкой сил. Теперь Саше с Таней — 10, Алеше 13, и ему с ними скучно. Они несколько раз приглашали его, он обещал прийти — и не приходил.

Саша не вынесла — и послала ему такое письмо:

Знаком был Алеша Симонов с Галей,
Они дружили, друг друга знали.

Нравилась Леше дружба такая:

Ведь Галя старше его, большая.

Знаком был Алеша с Таней и Сашей,

Очень дружили родители наши. [5]

Дружил Алеша и с ними сначала,

Но вот все заметили: он зазнавала.

Сказал Алеша: «Я большой,

А вы в начальной школе!»

Сказал Алеша: «Не желаю

С вами знаться боле!»

А Таня с Сашей отвечали:

«Мы вовсе не в большой печали.

Не хочешь дружить — не надо, пусть,

Мы не впадем ни в какую грусть.

Но ты должен помнить: ты сам был таким.

Ты ведь не сразу родился большим».

Нам зазнавалы не нужны!

Дети задаваться не должны!

Мы дети от года до 15 лет,

И Алеша — не исключенье.

Задаваться никто не должен —

И это стихов заключенье!

*

Галя:

— Мама, встань на цыпочки и поцелуй меня в лоб!

*

Саша, рыдая:

— Не думай, не думай, пожалуйста, что ты красивая и симпатичная, когда сердишься.

*

Галя:

— Мама, я была на лекции о культуре поведения. Нам там сказали, что употреблять такие слова, как «сволочь» ОЧЕНЬ неприлично. Вот Америка!

*

Телефонный звонок:

— Можно Галю?

— А кто ее спрашивает?

— Один знакомый.

Галя берет трубку:

— Да... Да... Нет... Да... Ну что ж, хорошо. Да... Да...

— Галя, это кто звонил?

— Один мальчик. Его зовут Дима. 8-го я пойду с ним на «Голос Америки» — он пригласил.

— Почему же ты не спросила у меня разрешения?

Галя, широко открыв глаза:

— Мама, ну неужели, неужели бы ты не разрешила?!

*

Саша, по какому-то поводу:

— А ОН говорит иначе.

— Кто это «ОН»?

— Алеша.

13 января 53.

Саша очень много думает и говорит о смерти. Просыпаясь ночью: «Мама, я не умру?» Или, ложась спать: «Мамочка, можешь ты мне обещать, что я сегодня не умру? Я очень боюсь умереть».

— Мама, я никак не могу себе представить: был человек — и нет его...

— Мам, я без тебя жить не смогу. Давай умрем вместе.

Я помню: и у меня в детстве так было.

14 января 53.

Сейчас мы с Шурой в поте лица работали на Сашу: я переписывала красивым почерком заметку в стенгазету, а Шура сочинял сатирические стихи. (Саша дала ему список девочек с прегрешениями, указав при этом и свои собственные).

Наблюдая эти наши поступки, Ольга Леонидовна сказала:

— Таких родителей очень по радио пробирают...

16 января 53.

Саша:

— Наташа Шабанова очень обиделась на стихи.

Шура, протирая очки:

— Больше я в этой газете не работаю!

*

Саша:

— Мама, я тебя обожаю!!! (с некоторым надрывом).

Галия.
Начало
1950-х.

— Любовь делить не надо, потому что она растет. А потом — с каждым новым ребенком рождается новая любовь.

— Ну, не знаю, — говорит Саша с сомнением. И добавляет: — Не уверена я в этом.

28 марта 53.

Саша:

— Мама, я хочу стать старше Гали.

— Зачем это тебе?

— Я хочу, чтоб она походила в моей шкуре. Я ее буду несправедливо ругать, а она пускай страдает.

26-го марта праздновали день Галиного 16-летия. Среди подарков были две обложки к паспорту.

*

[13 января 1953 года в «Правде» была опубликована статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Большинство обвиняемых врачей были евреями, и они обвинялись, в частности, в связях с «международной еврейской буржуазно-националистической организацией „Джойнт“». В стране началась чудовищная антисемитская кампания. Шли слухи, что евреев будут выселять из больших городов в Сибирь, и под Москвой уже стоят для этого поезда. В отличие от маленькой Саши, Галия всё это знала и понимала.

В тетради номер 9, где Ф. А. иногда записывала пост-фактум что-то, чего она не могла доверить бумаге в сталинские времена, есть запись про разговор с Галей, которую мы ниже приводим. — А. Р.]

16 января 53 года у нас с Галкой был такой разговор:

— Мама, — сказала она вечером, уже лежа в постели, — присядь ко мне.

Я присела, она помолчала ещё с минуту, а потом сказала:

— Мне скоро 16 лет, и мне получать паспорт. И вот, я хочу тебе сказать, что я хочу быть той же национальности, что вы с Сашкой.

Я сказала, что это она верно решила. Но какая же у нас с Сашкой национальность? Родились мы в России. Родной наш язык русский. Мы думаем по-русски, я учила русскому языку русских ребятшек, пишу русские книжки. Мы с Сашкой тоже русские, но у нас нет формального права так называться. А у Гали оно есть — папа был русский, поэтому надо будет в паспорте написать «русская».

Галия всё это терпеливо слушала, а потом сказала:

— Я знаю, зачем ты всё это говоришь. Но если я запишусь русской, я буду чувствовать себя так, как будто я во время газовой атаки схватила единственный противогаз.

— Знаешь, — сказала я, обомлев от такого сравнения, — утро вечера мудренее. До 26-го марта больше двух месяцев, ещё успеем подумать.

26 марта 53 года Галке исполнилось 16 лет. 4-го апреля оправдали врачей.

— Ну, Галия, — сказала я, — какую национальность ты себе выбрала?

— Теперь вроде бы не стыдно и русской, — ответила Галия вполне равнодушно.

Потом оказалось, что размышлять нечего: ей выдали паспорт, в котором было уже проставлено: русская.

(Продолжение следует)

Саша:

— Папа, в словах «беллетристика» и «белиберда» — корень один?

Папа:

— Как когда.

*

Я обращаюсь к Шуре с разными вопросами. Он читает, и ему отвечать неохота. Он говорит: «Фридошка, пойдй, займись чем-нибудь общественно полезным...»

Саша, строго:

— Хоть и «Фридошка», а все равно обидно.

4–9 марта 53.

В эти дни Сашу ранило каждое веселое слово, каждая улыбка. Ее поражало, что люди ходят в магазины, варят обед, едят и пьют.

Она спрашивала:

— Как же сейчас будет? Что же мы будем делать? [6]

*

Саша:

— Папа, мне надо у тебя кой о чем спросить, только, пожалуйста, не отвечай, что тебе некогда, что у тебя болит голова и что ты уходишь.

24 марта 53.

Саша:

— Ох, и ругала нас учительница! Самыми последними словами: и аристократами и всяко...

25 марта 53.

— Мама, у тебя очень много друзей. Человек 200, наверное. Можешь ты сказать, кто у тебя на первом месте, кто на втором, на третьем?

— Я не могу своих друзей расставлять, как солдат, по росту.

— Ах, а мне так бы хотелось знать, кто сразу после тети Норы идет? И кто самый последний? Ему, наверное, обидно — последнему-то?

*

Саша:

— Не хочу, чтоб у нас родился еще один ребенок. Когда я родилась, тебе пришлось делить любовь между мной и Галей, а раньше она вся была Галина. А теперь придется делить между тремя детьми, и всем очень мало достанется.

[1] Американская писательница (1832–1888), автор книги «Маленькие женщины».

[2] Николай Павлович Акимов, ленинградский театральный режиссер и художник.

[3] Из книги Ф. Вигдоровой «Мой класс».

[4] Семен Афанасьевич Калабакин — воспитанник А.С. Макаренки, выведенный в «Педагогической поэме» под именем Карабанова. Семен Афанасьевич и жена его, Галина Константиновна, многие годы вместе работали в детских домах. Деятельность С.А. и Г.К. Калабакиных легла в основу трилогии Ф. Вигдоровой: «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка».

[5] А. Б. и Ф. А. издавна дружили с мамой Алеши Симонова Евгенией Самойловной Ласкиной, а летом 1950 г., на даче в Ильинке, подружились через нее и с мамой Тани Урбанович Эллой Яковлевной Девирц («тетей Люсей»).

[6] 5 марта 53 г. умер Сталин.

Расхламите вашу жизнь!

Алина Бикеева

Наша жизнь — и физическая, и эмоциональная — захламляется незаметно: лишними вещами, ненужными страстями, переживаниями и эмоциями. Время от времени просто необходимо расхламлять, решительно освобождать ее от всего лишнего и громоздкого.

Склад Роскошных Ненужных Вещей, или У нас дома — Эрмитаж!

Как часто мы, взрослые, превращаем свой дом в Склад Роскошных Ненужных Вещей! И не просто делаем это добровольно, непринудительно, но еще и прилагаем для создания такого склада неимоверные усилия, несем непомерные материальные затраты, терпим лишения, работаем на две полные ставки и живем в режиме строжайшей экономии. Сначала мы зарабатываем деньги, отдавая этому все свои силы и время. Потом мы тратим деньги на покупку этих вещей, коллекционируя их у себя дома. Мы заполняем ими все жизненное пространство, так что в наших домах не только негде побегать и поиграть детям, но и просто пройти проблематично. Как бы что-то не разбить, не смахнуть, не сломать! Как бы не нарушить священный, установленный еще родителями музейный порядок выставленных напоказ (зачем? кому? для чего?) и складированных в шифоньерах и стенках роскошных и ненужных вещей. А сколько времени и сил мы тратим на уход за всеми этими музейными экспонатами, оккупировавшими наш дом!

Взрослые, хозяева домашних эрмитажей, притворяются, будто все это обилие вещей им действительно не просто нужно, а прямо-таки жизненно необходимо и будто все эти ценные и роскошные вещи приобретаются для детей, во имя детей и для их блага. Хотя сами вряд ли смогут внятно объяснить, какие именно блага для детей сокрыты в домашнем складе хрусталя, фарфора, драгоценностей, натуральных мехов, кожи, замши, ковров ручной работы, а также много чего еще. Родители, создающие у себя дома Склады Ненужных Роскошных Вещей, по сути своей — кладовщики. Кладовщиками они и работают у себя дома.

А ведь на деньги, бездарно потраченные на эту уйму вещей, можно было бы попутешествовать всем вместе или оплатить кому-то из членов семьи второе высшее образование, а может быть, их стоило бы потратить на курс лечения в санатории. А то уйти на год с работы, жить на эти деньги,

заниматься собой, своим здоровьем и детьми. Да мало ли что еще можно было бы сделать?! Но не случилось, не сложилось, не сбылось.

Вещевая революция в доме

Это просто поразительно, сколько вещей у современного человека. Он окружен, а порой завален и заблокирован ими. Мы обрастаем вещами незаметно. Сначала мы владеем и руководим вещами, а потом они нами. Обилие вещей, большая часть которых не так уж и нужна, занимает наше жизненное пространство, отнимает наши силы и время на уход за ними, портит нам настроение и нервы. Одни только наши балконы и лоджии чего стоят, не говоря уже о гаражах, сараях и дачных домиках! Словом, нагромождение вещей очень осложняет нашу жизнь, хотя мы это не всегда осознаем.

Сделайте правилом своей жизни: вещи служат вам, а не наоборот.

Пересмотрите все вещи, имеющиеся в вашем доме. Что-то можно выкинуть совсем, что-то раздать людям. Очень хорошо делать это вместе с ребенком. К примеру, соберите игрушки, с которыми он уже не играет, и отнесите в подарок ближайшему детскому садику. Оставьте в своем доме только то, чем вы на самом деле пользуетесь. Освободите пространство в вашем семейном доме просто для жизни.

Задумайтесь, уважаемые взрослые, как часто мы пылесосим многочисленные ковры и дорожки в доме, протираем пыль с бесчисленного количества предметов, натираем до блеска хрусталь и люстры, начищаем огромное количество одежды и наглаживаем горы белья. Мы занимаемся всем этим гораздо дольше, больше, подробнее, детальнее и внимательнее, чем общаемся со своими родными и близкими, чем играем и занимаемся с детьми. Грустно как-то получается! Мы проводим больше времени с коврами, хрусталями, одеждой, бельем и прочими вещами, чем с собственными детьми.

Разумеется, в домашнем хозяйстве за всем надо ухаживать, чтобы вещи не ветшали, а дом не превратился в ночлежку или свалку хлама. Но,

может быть, если сократить количество вещей в нашем доме раза в два, то у нас появится больше времени на общение с домочадцами, особенно с детьми? Высвободятся не только минуты, часы и вечера для близких нам людей, но еще и силы.

Ну, право, уважаемые взрослые, вам точно нужно восемь ковров, четыре шубы, 100 кг хрусталя в серванте, пять кресел, четыре дивана, два велотренажера, шесть пар старых лыж и еще три пары новых на балконе, 25 полотенец, 10 покрывал и проч. проч. проч.?

Проведите в своем доме вещевую революцию. Выньте всё (всё!) из всех шкафов, шифоньеров и стенок. Вытряхните всё (всё!) из выдвижных ящиков, комодов, письменных столов и книжных полок. И разберитесь со всем этим. Освободите балконы и лоджии, гаражи, дачные домики и сарайки от залежей вещей и хлама. Другими словами, *расхламите вашу жизнь!*

Ведь самые лучшие вещи на свете — не вещи! А истинные драгоценности в жизни — не драгоценности!

Организируйте пространство семейного дома независимо от его метража и планировки так, чтобы людям и, прежде всего, детям там было удобно, просторно и вольготно. Сделайте все в своем доме так, чтобы ваши родные и близкие люди, могли там жить полноценной жизнью без служения и прислуживания вещам, не задыхаясь от их обилия, не спотыкаясь об их залежи и не теряясь в их завалах. Пусть ваша семейная жизнь будет наполнена смыслом и любовью, а не вещами!

Фото
Елены
Боковой

Кейт ДиКамилло — чудо и праздник

Ольга Варшавер

Пишу эти заметки и параллельно читаю страничку Кейт ДиКамилло в фейсбуке. Нет, мы с ней не знакомы и личную переписку не ведем, но она изредка — раз в месяц или раз в неделю — делится с читателями и почитателями каким-то совершенно акварельным эпизодом или вроде бы мимолетной, а на самом деле выношенной мыслью. Эти строчки — даже не кирпичики для будущих книг, она никогда не

Я люблю билетки. На поезд, на ярмарку, в кино. Я их храню. Пусть их будет как можно больше. Вот бы иметь билетик на память о том, как я первый раз прокатилась на двухколесном велосипеде! И билетик от первого сентября первого класса... И от первого поцелуя. И от второго. И от третьего.

Вот бы у меня остались билеты от всех звездных ночей — когда свет накатывал и раскачивал меня, почти сбивая с ног. Вот бы взять в руки билетик и вспомнить, как я впервые в жизни что-то сочинила или по-настоящему искренне, сказала «прости». Хочу билетик от каждой любви, долгой или короткой, и на отъезд из родительского дома нужен билетик, и на возвращение. Жаль, что у меня нет билетика, чтобы очень-очень хорошо помнить, как я в последний раз держалась за мамину руку.

Хочу помнить.

Не хочу забывать, никогда.

Мне нужны билетки.

Кейт ДиКамилло
30 августа 2011, Фейсбук

Сегодня утром на дачном крыльце оказалась гигантская паутина в форме заглавной буквы А. Я вспомнила Шарлотту и Уилбура (герои книги Э. Б. Уайта «Паутина Шарлотты» — О. В.)...

А потом подумала: что если завтра тут появится еще одна буква? А на следующий день третья? Что если за несколько дней тут сложится слово? Какое это будет слово?

Атлас, Август, Аномалия, Амулет, Адресат.

Все прекрасные слова на букву А, которые мог бы соткать паук. В каждом — поэзия, сказка, начало.

Кейт ДиКамилло
26 июля 2011, Фейсбук

использует их буквально, но в ее книгах — та же образная мозаика, тот же стиль, та же логика. Я читаю ее короткие зарисовки и вижу, как работает над словом и смыслом мой любимый автор. И я снова радуюсь своему переводческому счастью и чутью: тогда, почти десять лет назад, я не ошиблась!

Все эти годы Кейт ДиКамилло — часть моей жизни. Та часть, которая — чудо и праздник. Чудо явило себя не вдруг, а исподволь. Сначала я приехала в Соединенные Штаты на ежегодную конференцию Международной ассоциации чтения (IRA объединяет школьных учителей и университетских преподавателей) и на безбрежной книжной ярмарке, которая неизменно сопровождает эти встречи, накупила много детских книг, в том числе «Спасибо Уинн-Дикси» (2000). Привезла и сложила стопкой в углу, не прочитав. Спустя еще пару лет выяснилось, что по этой книге снят фильм и он, скромный, малобюджетный, номинирован на несколько кинопремий. Я заинтересовалась и вынула книгу из стопки — первую книгу совершенно неизвестного в России автора...

Вот оно — чудо! Я перевела ее в один присест, без договоров и даже без предварительных договоренностей. Как раньше говорили: в стол. Моему младшему сыну как раз исполнилось четыре года, я прочитала ему книгу, предназначенную, конечно же, не для дошкольников, а для детей от 7 до 12 лет, посмотрела на его реакции, кое-что подправила и отнесла в любимое издательство.

Главный редактор Варя Горностаева сказала: «Замечательно», — и переложила книгу к себе «в стол». Однако издательство купило права у агентов ДиКамилло, поэтому ее новые книги — те, что она успела написать за эти годы — поступили к нам сразу, все три вместе: «Парящий тигр» (2001), «Приключения Деспера» (2003) и «Удивительное путешествие кролика Эдварда» (2006). И тут произошло второе чудо. Директор издательства Сергей Пархоменко, большой мужественный человек, которого трудно заподозрить в сентиментальности, полюбил сказку про кролика — нет, не просто как издатель, а как самый нежный родитель. А уж когда мы узнали, что в Америке готовится полнометражный анимационный фильм про мышонка Деспера, где одного из героев озвучивает великий Дастин Хофман...

Короче говоря, три книги ДиКамилло — про дворнягу Уинн-Дикси, мышонка Деспера и кролика Эдварда вышли в нашей стране практически одновременно под логотипом издательства «Махаон» (поскольку издательства теперь женятся и разводятся, совсем как люди). Надо сказать, что Кейт ДиКамилло к этому моменту уже попала в десятку лучших детских пи-

сателей Америки, получила несколько литературных премий, в том числе медаль Ньюбери (главную в Америке премию за детскую книжку) за «Приключения Деспера», так что риск для издателя, если и был, заключался только в одном: насколько универсальны книги этой американки, завоюют ли они сердца наших детей?

По-моему, завоевали. Благодаря иллюстрациям Владимира Буркина, Баграма Ибатуллина и Игоря Олейникова, благодаря — надеюсь — достойному русскому тексту и, прежде всего, благодаря самой Кейт, ее умению говорить с детьми без поддавок, с совершенной, кристальной честностью — и о жестокости, и о предательстве, и о смерти. А еще — о любви, верности, чести и памяти.

Интернет-рецензии родителей на книги Кейт ДиКамилло — увлекательное чтение. У меня аж дух захватывает от перепадов настроений и оценок, словно я катаюсь на американских горках. Поначалу я вообще не понимала, откуда такая разногласица, но со временем разобралась. Во-первых, многие родители, к сожалению, не очень готовы к прямому разговору и желают дистиллировать для детей буквально все: еду, воздух и... книги. Они боятся расстроить свое чадо и забывают, что, не поплакав в детстве над судьбой Муму, это чадо не научится сопереживать. А как же стакан воды в старости? Кто его нам подаст? Во-вторых, многие родители считают, что раз сказка — то читаем с любого, самого малышowego возраста. Это не так. Книги Кейт ДиКамилло (все, кроме серии про свинку Милу) предназначены для детей от 7 до 12 лет. Конечно, всегда найдется и более младший ребенок «тонкой настройки», который уловит, воспримет, почувствует. Но все-таки лучше читать это с младшими школьниками. И это тоже важно — читать *вместе* с детьми. Поверьте, в этих книгах не все однозначно, там есть материал для обсуждений и споров, для душевной общесемейной беседы. Кому-то Кейт поможет расшевелить ребенка, который замкнулся после смерти близкого человека или развода родителей. Там все это есть — и в реалистичных повестях про собаку Уинн-Дикси и про тигра («Парящий тигр» вышел у нас только сейчас, в 2011 году, но хронологически это вторая книга автора, она была написана десять лет назад), и в волшебных сказках-притчах про мышонка, кролика и слониху. С этой, наверно самой любимой моей книгой, произошла печальная история. Она должна называться «Слониха фокусника», а вышла в 2010 году под названием «Как слониха упала с неба». И вот результат: несмотря на потрясающие иллюстрации Олейникова, книга прошла незамеченной. Я уверена, что дело в назва-

Из рецензий на «Удивительное путешествие кролика Эдварда» в интернет-магазине Лабиринт:

После прочтения трех ее книг начинаю понимать, что это гениальная психотерапия для современного человека, который задушил внутреннего ребенка, боится чудесного и непривычного в собственной жизни, отрицает любовь, потому что наверняка ее потеряет и будет очень больно. Детям нужно читать и не один раз, во всех возрастах. Модель нормального человеческого поведения и принятия собственных чувств, способность назвать их и выразить — вот что несут с собой детские книги ДиКамилло
(*tsylpyr», октябрь 2010*)

Мне совершенно не нравится эта книга. Неужели для того, чтобы у девочки из богатой семьи (пусть даже у очень хорошей девочки!) была игрушка, которая умела любить, нужно было создать всех этих несчастных временных хозяев Эдварда, заставить скитаться бродягу Быка, убить чахоткой маленькую Сару-Рут, маленького Брайса оставить по сути сиротой, лишив его мамы, сестры? У меня огромное количество вопросов возникло по прочтении этой книги. Да, в конце все счастливы, но вот только за счет чужих несчастий, горестей и смертей. Такая ли должна быть книга о любви, верности и надежде? В общем, эту книгу я убрала, сыну читать не дам.
(*Давыдова Ирина, октябрь 2009*)

Так сильно растрогали меня в жизни только три книги: «Овод», «Анна Каренина» и эта, на первый взгляд, детская книга.

(*«Читаем с мамой», декабрь 2010*)

Ох, сколько книг я купила и писать не считала нужным, но эта книга, не дает мне покоя. Больше всего меня расстроило, что в книге столько необоснованной жестокости по отношению к игрушке. Мне изначально так понравилась идея путешествия кролика по миру, после его падения в открытое море, но, начиная с самого момента, как им начинают зачем то кидаться, швыряться и он падает за борт, все пошло кувырком... Ну, неужели его не могло сдуть ветром, или он бы выпал случайно... и так всю книгу... вплоть до того, как его совсем не убили ни за что?! Мне не понравилось, остались неприятные ощущения. Может быть, тем, кто в жизни подвергался насилию в семье или среди школьников, это близко? Мне нет.

(*Бегущая по волнам, апрель 2010*)

Очень грамотно и четко написано именно для ребенка, дочь точно уловила смысл, который автор пыталась донести до читателя. Я очень советую прочитать своим детям это произведение, здесь описана РЕАЛЬНОСТЬ, которую мы от детей порой пытаемся скрывать, а, на-верное, зря. Как выяснилось, они все правильно понимают. Возрастную категорию я бы поставила с 6 лет, описывается все очень доступно, а, если что-то не понятно, можно разъяснить.
(*Юлия Волобуева, декабрь 2010*)

Книга потрясающая. Видимо, поэтому и рецензии весьма противоречивы. От безусловного «Да! Это здорово!!!» до удручающего «Больше никогда и ни за что!!!» А нам понравилось!!! Мне и 9-летнему сыну. Кстати, в конце книги плакала только я. А он... меня утешал.

(*Воробьишек, апрель 2010*)

нии. Многие родители жаловались мне лично, что, поверив игривому «дошкольному» названию, купили книгу для четырех-пятилеток и она «не пошла». И правильно, что не пошла, потому что она для десятилетних детей.

Зато в рецензиях мамы и бабушки пишут, что читали младшим детям, а заслушивались старшие, 15- и 17-летние. Это ли не признак классики? Я, кстати, уверена, что Кейт ДиКамилло непременно получит медаль Андерсена, ту самую, которую называют Нобелевской премией в области детской литературы.

Напоследок расскажу один эпизод, связанный со «Слонихой фокусника». Многие мои коллеги помнят эту историю. Дождь, конец сентября, мы отмечаем День переводчика в РГГУ, я читаю первую главу, где происходит чудо: главному герою, мальчику-сироте Питеру, гадалка сообщает, что его сестра жива. Едва я начинаю читать, в наглухо задраенной аудитории появляется бабочка. Яркая, по-осеннему чуть сонная, она порхает, настойчиво завладевая вниманием моих слушателей. Мне и самой хочется смотреть на нее, а не в текст. Наконец, я прерываю чтение и говорю: «Надеюсь, теперь вы верите, что чудеса случаются? Вся ДиКамилло — именно об этом».

Бабочка тут же исчезла, и больше ее в тот день никто не видел.

На сегодняшний день

в магазинах можно найти вот эти книги Кейт ДиКамилло в переводе Ольги Варшавер:

«Спасибо Уинн-Дикси», «Удивительное путешествие кролика Эдварда», «Приключения мышонка Деспера», «Как слониха упала с неба», «Парящий тигр», «Свинка Мила — Веселые истории», «Свинка Мила — Новые приключения», «Свинка Мила — Настоящая принцесса».

Роза Хуснутдинова

Памяти Петра Ильича Гелазония

Петр Ильич Гелазония был человеком редкой души, благородства, доброты, мудрости и при этом — необыкновенной скромности. Тихий голос интеллигента — это про него. Он был из когорты таких людей, как Дмитрий Сергеевич Лихачев, как Аверинцев, болеющих душой за будущее страны, за ее процветание. Людей, верящих, что Культура, Просвещение могут воздействовать на человека, сделать его лучше. На таких людях держится общество, народ, страна. Когда их становится меньше, страна деградирует. Петр Ильич был человеком больших знаний, прекрасным редактором, обладал тонким литературным вкусом. Мои сказки и рассказы, которые он отбирал для публикации в журнале, после его правки становились лучше. В Петре Ильиче всегда ощущалось сострадание, милосердие к человеку малому, слабому, заблудшему. Он любил родных, друзей, коллег. Главным делом его жизни было издание журнала «Семья и школа», воспитание детей и их родителей. Надеюсь, журнал будет существовать и дальше. Буду всегда помнить об этом замечательном человеке.

Светлая ему память!

Глыба

Зима уже близилась к концу, снег повсюду потемнел, почернел, погода стояла слякотная, без солнца, и казалось, ты болен давно и никогда уже не выздоровеешь.

Мне захотелось разорвать этот слишком размеренный, однообразный ритм своей жизни, не быть белкой в колесе, вырваться, глотнуть другого воздуха. Не обязательно на Канарах, в Анталии или на Кипре, на такой воздух у меня денег нет, да и вряд ли будут в ближайшем будущем... Но хотя бы погулять за городом! Что, в самом деле: утром — звонок будильника, торопливый завтрак, потом бег по улице к остановке автобуса, метро, ехать в толпе, стиснутому со всех сторон другими людьми семь остановок, потом — институт, работа за столом, привычный, рутинный, к тому же, малооплачиваемый труд без каких-либо новых идей и мыслей, не говорю уже об открытиях, какие тут могут быть открытия! После пяти часов — возвращение домой, привычный ужин, бифштекс из импортного мяса, возможно, зараженного коровьим бешенством, картошка, хоть наша, все равно — невкусная, с пестицидами... Да нет там никаких пестицидов, говорит жена, но я же чувствую, чувствую их на зубах! После ужина — разговоры с женой о том, что старшему сыну нужно купить новую куртку, младший опять получил тройку. Затем — просматривание дневников, механическое, формальное, потом — новости по телевизору. Ну, одной горячей точкой на планете стало больше! И — сон, не дающий ни отдыха, ни приятных сновидений.

Но сегодня мне почему-то приснился отец, с мягкой озабоченностью вглядывающийся в мое лицо, как будто он спрашивал: как я живу? Всё ли у меня в порядке?

Я проснулся и сказал жене, что не могу пойти с ней на базар, как обещал вчера, — по воскресеньям мы обычно вместе ездили на базар, накупали овощей и фруктов на всю предстоящую неделю.

Мне нужно кое с кем встретиться, сказал я. Быстренько оделся и вышел на улицу.

Но куда податься? На дачу? Ехать на вокзал, потом на электричке, потом идти с полчаса по заснеженной проселочной дороге? Может, там и не пройти к дому, повсюду сугро-

бы. Да и зимние дачи, не обогреваемые печами, выглядят неуютно.

Поразмыслив, я решил проехаться до Воробьевых гор, прогуляться там. Раньше наш институт располагался там, на одной из узких улочек, выходящих к Москве-реке, и мы с сотрудниками часто выходили из лаборатории, доходили до обрыва на берегу и смотрели на раскинувшийся перед нами город, Москву. Отыскивали свои кварталы, по высотным зданиям находили площади, Театр Советской Армии, Красную площадь, собор Василия Блаженного. Но ближе всех там были видны Лужники — огромный стадион.

Место было в самом деле тихое, уютное, там не слышался гул машин, шум города, на склонах, спускающихся к реке, росли высокие густые липы, и можно было затеряться среди них, почувствовать себя за городом.

Все это было давно, лет двадцать назад. Институт наш давно переехал, и я уже не помню, чтобы прогуливался здесь и любовался видами, открывающимися отсюда.

Проехав от Киевского вокзала на троллейбусе, я остановился у того места, где начинались Воробьевы горы, и медленно, не спеша, зашагал, оставляя за собой шумную улицу. Пройдя метров триста, свернул в сторону обрыва и подошел к самому краю.

Река была внизу, широкая, медленная, серого, можно сказать, свинцового цвета, на склонах чернели голые липы, на противоположном берегу реки раскинулись Лужники.

И вдруг я не поверил своим глазам. Над Лужниками парила в воздухе некая громада свинцового цвета. Поначалу я принял ее за тучу, низко опустившуюся над городом, но потом увидел, что — нет, не туча! Это какая-то каменная глыба, основание какого-то гигантского памятника, нависшего над городом. Что за памятник, кого он изображает, было непонятно, фигура уходила ввысь, виднелось только гладкое, будто отполированное основание этого памятника-чудовища, и он опускался все ниже.

Тут я заметил, что снизу, то ли с земли, то ли от некоторых зданий, площадей, куполов церквей навстречу этой опускающейся гигантской глыбе тянутся вверх потоки света, в некоторых местах они сильнее, ярче, как бы не дают опуститься, удерживают эту глыбу на весу.... Впечатление было такое, будто сильные струи гигантского светящегося потока удерживают на высоте эту глыбу, не дают ей опуститься.... Она еще не опустилась, не раздавила города окончательно.

Но картина была так мрачна, так ужасна, что я тут же повернул назад, испытывая невероятный страх! Что там переживания бедного Евгения, который бежал и слышал позади «тяжелозвонкое скаканье по потрясен-

ной мостовой»! Здесь грозились раздавить весь город!

Я остановился, увидев перед собой остановку троллейбуса и людей на остановке. Подбежал, влез в подъехавший троллейбус и поехал к Киевскому вокзалу. Я ехал, опустив голову, ни на кого не глядя.

Доехав до вокзала, быстро юркнул в дверь метро и поехал домой. Видно, нервы у меня не в порядке, пойду завтра к врачу, лихорадочно думал я. Да, я болен, это несомненно.

Когда вошел домой, сразу успокоился. В квартире было тихо, комнаты убраны, вкусно пахло борщом и пирожками с капустой, видно, жена приготовила праздничный воскресный обед.

В комнате за столом сидел младший сын, учил уроки.

Жена лежала на диване, прикрыв ладонью глаза и, видно, дремала, даже забыла снять с себя фартук.

Я вымыл руки, вошел в комнату, подошел к окну. Взглянул перед собой и замер. Над нашим двором висела та самая свинцовая глыба, которую я видел на Воробьевых горах. Ну, может, чуть меньше. Она медленно опускалась, вот сейчас, сейчас раздастся этот ужасный грохот...

— «Там лес и дол видений полны,» — медленно, заучивая наизусть, произнес за моей спиной сын.

Глыба в небе остановилась.

— «Там о заре прихлынут волны,» — продолжал сын.

Глыба приподнялась, стала отодвигаться вверх.

«...На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской!»

Глыба поднялась так высоко, что ее почти не было видно. Да полно, уж не туча ли это, которая рассеивается на зимнем сером небе? Что это я выдумал! Придет же в голову такое!

И бодрым голосом я разбудил жену и попросил ее накормить меня обедом.

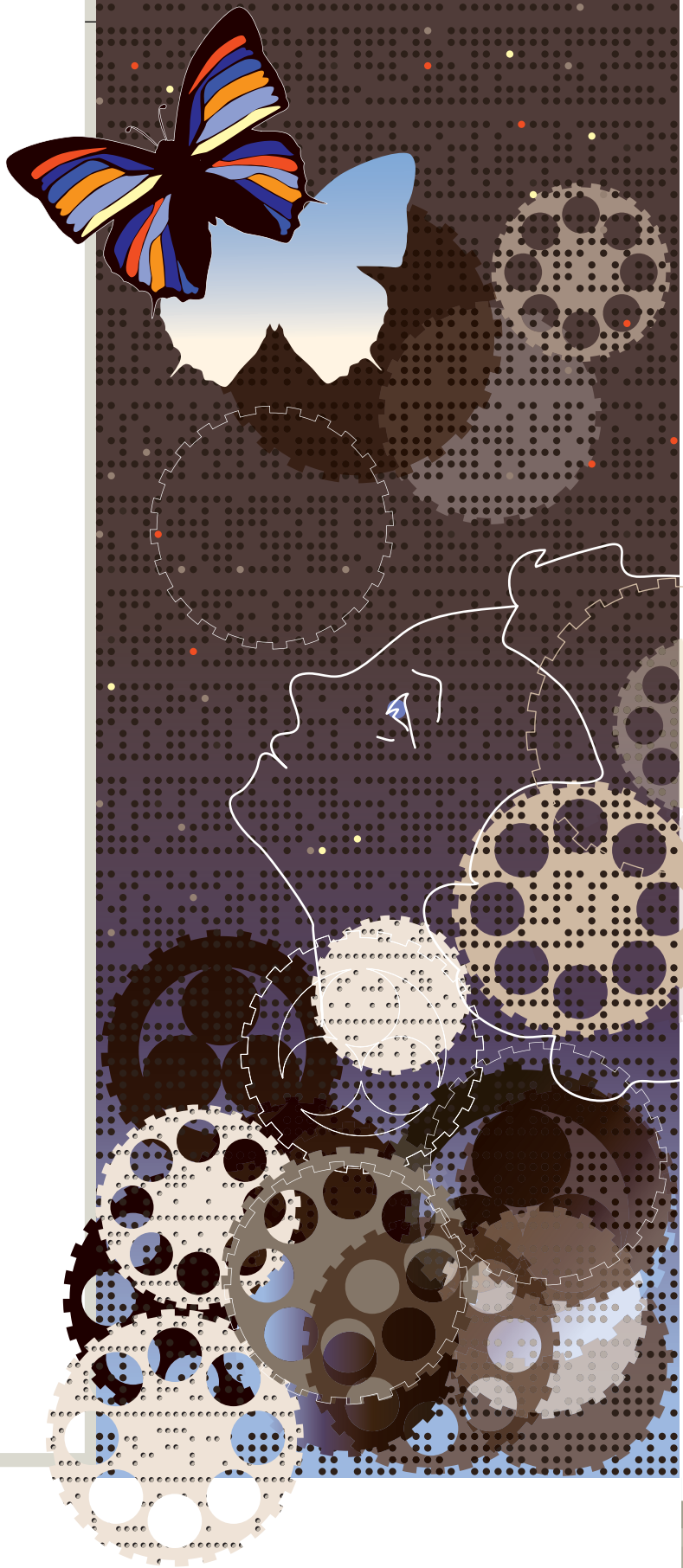
И пока я ел аппетитный борщ, закусывая пирожками с капустой, я думал о том, как это замечательно, что есть, существуют на свете эти гармоничные волшебные строки, которые когда-то читал и заучивал наизусть я сам, а теперь читает мой сын...

Небо за окном было ясно. И я знал, почему. За моей спиной звучал звонкий голос сына:

«В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит...»

Мальчик, бегущий за бабочкой

В некоем уголке Вселенной жили «преобразователи» или «трансформаторы», для краткости называвшие себя «трансами». Они походили на людей, но в облике каждого из них была особенность: три глаза вместо двух или слоновий хобот вместо человеческого носа, или перепонки между пальцами ног, или короткие лапы вместо длинных человеческих конечностей, у иных из лопаток торчали крылья, так что их обладатели могли перелетать с места на место. Трансы постоянно что-то преобразовывали: пейзаж вокруг себя, свою внешность, вид неба. Они добывали из недр полезные ископаемые, а потом снова закапывали их и сжигали карты, где было обозначено, куда они их закопали. В настоящий момент солнце над ними было в многочисленных пятнах, так им нравилось больше, чем тогда, когда пятен на солнце «раз-два и обчелся». Все трансы были снабжены вживленными в голову, в руку, в ребро миниатюрными компьютерами, которые помогали им жить и преобразовывать мир. Например, кто-то из них хотел иметь перед глазами «пейзаж с горой» или «город небоскребов» или почувствовать себя «внутри гигантской подводной лодки». Транс тут же включал свой компьютер, который рассчитывал, сколько нужно вырыть земли в одном месте и насыпать ее в другом, чтобы возник «пейзаж с горой» или был выстроен настоящий, функционирующий «город небоскребов» или «гигантская подводная лодка». Компьютер также рассчитывал, сколько нужно затратить энергии, чтобы осуществить такое преобразование. Но через короткое время пейзаж должен был меняться, трансы жили в постоянном движении, в непрерывных преобразованиях. Запасы энергии в этом уголке Вселенной были велики, но предписывалось все же учитывать, сколько ее необходимо каждому трансу для полноценной жизни, для своих преобразований. Пейзажи вокруг менялись постоянно. Вид неба тоже менялся, звезды на нем сверкали то гуще, то реже, по-другому располагались на небосклоне, но иногда повторялись, цикличность в происходящих изменениях все же присутствовала. Только внешность жителей могла меняться в узких пределах, таково было предписание властей, которых никто никогда не видел. Если кого-то из трансов при рождении называли Хоботком, Клешней, Стеклянным Глазом, Ящерицей или Штопором, Мясо-

рубкой, Гаечным Ключом, Обломком Космического Корабля, отличительный признак внешнего облика не должен был меняться кардинально, выбранное при рождении имя, прозвище должно было оставаться подходящим при любом изменении внешности. Трансы имели право на семейную жизнь, иногда они образовывали пары, уединялись, тогда в видимом пространстве возникало некое невидимое для всех остальных «семейное гнездышко», мерцающий шар, парочка скрывалась в нем, а через некоторое время появлялась вновь вместе со своим детенышем. Это было существо, похожее на человеческое, но с какими-нибудь особенностями: вместо носика у него был пятачок или металлический штопор, у малыша могло быть три ножки вместо двух или одна рука человеческая, а другая — железная клешня. Трансы были продуктом симбиоза биологического и неорганического материалов. Иногда «человеческое» в них требовало своего выражения, и они начинали жаждать «эмоциональных переживаний», на этот случай у каждого трансa был личный «пульт эмоций», так что можно было нажать на кнопку «негодование», «радость», «страх» и обрести это самое негодование, радость, страх и даже усилить его вторичным нажатием на кнопку. Можно было посмотреть какое-нибудь кино, выбрав что-нибудь из обширного меню, доставшегося из далекого прошлого, например, найти «вариант двести семьдесят пятый», тогда на небе высвечивался светлый прямоугольник экрана, и на нем возникала снятая в архаичные времена картина, ее краткое содержание было, например, таково: «Муж изменил жене, у жены украли ребенка, похититель потребовал выкуп, отважный страж порядка спас ребенка, вернул его матери и женился на ней». Можно было выбрать другую картину, например, «вариант триста семнадцатый», здесь показывали выборы президентов в архаичные времена, несколько соперников вместе со своими командами боролись между собой, побеждал тот, кто обещал своему населению «завоевать всю Вселенную, а потом пить, курить и делать все, что хочешь, во всех ее уголках». Иногда можно было не смотреть кино, а послушать музыку, разнообразные «диски», сохранившиеся с архаичных времен. Можно было заказать, например, диск с названием «Рев тайфуна», «Взрыв в супермаркете», «Плеск прибора», «Свист ветра в оконных рамах», «Скрежет ножа о сковородку, когда на ней подгорела картошка». Иногда названия дисков ставили жителей в тупик. «Что значит «подгорела картошка?» — спрашивал один транс другого. Тот отрицательно качал своим пропеллером, торчащим из головы, как рог носорога. Про еду трансy помнили мало. В определенные часы они должны были прикладывать трубочку к какой-нибудь из емкостей с

названием «питание», расставленных тут и там, нажать на своем пульте кнопку со словом «насыщение», и каждый получал необходимую порцию еды: белков, жиров, углеводов, а также электрическую энергию, машинное масло, необходимые для нормального функционирования организма.

Однажды из очередного «семейного гнездышка» выкатился необычный детеныш. У него было две ноги, две руки, два уха, два глаза, носик, ротик, а на голове — ничего, кроме светлого пушка волос. Ни гаечного ключа, ни пропеллера, торчащего из лба, ни шасси потерпевшего аварию самолета. Урод, переглянулись все, кто увидел его. Наверное, у него лишняя хромосома или не те гены. Интересно, какова его мамаша, наверное, тоже уродка, из «нулевого периода» Гомо Сапиенса, когда еще не было никаких преобразований, никаких достижений. У матери малыша оказались шестипалые ступни, но во всем остальном она и ее сын очень походили друг на друга. Малыш все время улыбался. Сначала он ползал, а когда подрос, встал на ноги и зашагал, запрыгал, забегал. И издавал при этом радостные ликующие звуки. Раз как-то запел: «В траве сидел кузнечик. Он был как огуречик. Зелененький такой». Через какое-то время запел еще: «Пусть всегда будет солнце! Пусть всегда будет небо! Пусть всегда будет мама! Пусть всегда буду я!» Необычная песня, сказали трансy, что значит «всегда»? А как же наши преобразования, наше постоянное движение вперед? «Какие у него способности, к каким преобразованиям он склонен?» — спросили у матери малыша. «Он все время показывает на солнце и спрашивает, почему на нем пятна?» — ответила она. «Станный ребенок, — сказали трансy, — видно, у него, действительно, сохранились гены от Гомо Сапиенса «нулевого периода», он совершенно не развит, у него даже не формируются когти на пальцах или какие-нибудь восхитительные ножнички для подрезания ногтей». Когда мальчик подрос, трансy вызвали его мать и сказали, что ребенка надо учить «совершать полезные преобразования» «Спросите у него, какой бы пейзаж он хотел увидеть вокруг себя?» — сказали трансy. Мальчик попросил у матери лист бумаги и цветные карандаши. Мать включила свой компьютер, нашла нужную информацию о том, как получить из древесины бумагу, нашла подходящее дерево, преобразовала его в бревно, изготови-

ла лист бумаги, дала сыну. Добыла полезные ископаемые, из необходимых минералов приготовила стержни для цветных карандашей, вручила сыну. Он уселся перед листом бумаги, начал рисовать. Нарисовал зеленую траву, зеленые деревья, синюю речку, летящую птичку, бабочку, человечка с двумя ногами, руками, похожего на себя, а над всем этим нарисовал огромное желтое солнце, без пятен. Давайте, воссоздадим для него этот пейзаж, решили транссы, интересно, что он будет в нем делать? Включили генератор энергии, он заработал во всю мощь, стал преобразовывать все вокруг. Теперь, везде, насколько хватал взгляд, зазеленела трава, зашумели зеленые рощи, по небу полетели птицы, бабочки, а надо всем этим засияло ослепительное жаркое желтое солнце, совершенно без пятен. «Нулевой период», — ахнул кто-то из трансов. Мальчик увидел летящую бабочку, радостно вскрикнул и побежал за ней. Транссы, затаив дыхание, смотрели на эту картину. И такая вокруг была тишина, слышался шелест листьев деревьев, плеск речной воды, разноголосое пенье птиц, и по этому безмятежному сияющему пространству бежал за бабочкой мальчик, с двумя руками, с двумя ногами, со светлыми пушистыми волосами, и такой он был весь пропорциональный, соразмерный, прекрасный, так звонко смеялся, что у многих трансов защемило там, где полагалось быть сердцу. А, может, нам вернуться в «нулевой период», переглянулись они...

Бездедушки, которые нам дарят

Дирижер был очень стар и болен. Целый месяц он не поднимался с постели, не ездил на репетиции в филармонию, не говорил ни с кем по телефону. Домработница, почти такая же старая, как он, кормила его кашей, подносила лекарства, проветривала комнату и устраивалась в соседней комнате подремать в кресле, оставляя дверь открытой, чтобы слышать, если он позовет. Врач сказал, что хозяину осталось жить недолго, «всё» может случиться в любой момент.

И сегодня, покормив его завтраком, полив цветы на подоконнике, она вопросительно посмотрела на хозяина, лежащего с закрытыми глазами:

— Может, включить телевизор? Послушаете музыку?

Она включила телевизор. Передавали концерт классической музыки, играл симфонический оркестр.

Хозяин, не открывая глаз, отрицательно покачал головой. Она выключила телевизор.

На тумбочке зазвонил телефон.

— Отключи, — сказал хозяин.

Она выдернула штепсель из розетки, направила к двери:

Бездедушки, которые нам дарят

— Буду в соседней комнате, поспите.

— Иди домой, — сказал он. — Придешь утром.

Она поняла, что спорить бесполезно. Попрощалась, оделась в прихожей и вышла из квартиры, щелкнув замком двери.

Он медленно открыл глаза. В комнате было сумрачно, как бывает в пасмурном декабре, когда солнце давно не показывается в небе.

Он пошевелился, попробовал встать. Это не удалось.

Тогда он нащупал палку, прислоненную к дивану, с трудом приподнял ее, отодвинул занавеску, закрывающую нишу в книжном шкафу, стоящем у дивана.

Открылось маленькое пространство, занятое всякими безделушками, подарками от друзей, родных, коллег.

Тонкая изогнутая ручка от китайской чашки, ее жена подарила в первый год их семейной жизни.

Глиняный дракончик с крылышками, это подарил друг-музыкант.

Бело-синий гжельский подсвечник, подарок сестры, по воскресеньям она ходила в церковь, приносила оттуда свечки.

Фигурка нэцке — маленький улыбающийся божок, символ плодородия и долголетия, это подарил молодой японский скрипач во время гастролей.

Хрупкий бумажный фонарик с изображениями индийских божеств на стенках. Подарили во время гастролей.

Хохломская фигурка бабы на лошади, это подарили в Кремле, когда вручали правительственную награду.

Кедровую шишку гигантского размера привезла дочь из Ливана.

Янтарный светящийся камешек овальной формы. Он сам нашел его на берегу, на Рижском взморье.

Маленькое павлинье перышко — презент оперной дивы, приехавшей когда-то в Москву, замучившей его своими капризами во время репетиций.

Морская раковина перламутрового цвета. Ее он нашел на берегу Черного моря, чуть не наступил на нее во время ночной прогулки, когда вышел из отеля прогуляться.

Маленькая серебряная ложечка, ею мама кормила его в детстве кашей, ложечке было больше ста лет. Милая мама!

И, наконец, обломок дирижерской палочки. Ее он сломал в первый год работы в филармонии, когда альтист сфальшивил во время репетиции. Тогда он, помнится, в ярости сломал палочку, ушел со сцены, еле-еле нашел в себе силы вернуться.

В комнате по-прежнему было тихо, темно. За окном слышался скрип качелей, негромкое посвистывание, наверное, какой-нибудь мальчик раскачивался на качелях и свистел в глиняную свистульку. Мелодичные повторяющиеся звуки.

Он снова взглянул на безделушки, на ручку от китайской чашки. И вдруг вспомнил улыбку жены в первый год их семейной жизни, сияние ее молодого лица, серебристый беспечный смех.

В гжельском подсвечнике затеплилось, зашевелилось пламя свечи. Он вспомнил некрасивое, но такое родное, доброе лицо сестры, как она заходила вечером в его комнату перед сном, наклонялась над кроватью, крестила его.

Глиняный дракончик с крылышками, подаренный другом-музыкантом. Где-то он теперь? Как изумительно он играл концерт Мендельсона! Казалось, ничего на свете нет нежнее и прекраснее звуков, рожденных его смычком. Не удастся теперь свидеться, по разным странам гастролируют, их пути уже не пересекаются.

А вот бумажный фонарик с индийскими божествами на стенках. Перед ним возникли таинственные в расцветной розовой дымке улочки Варанаси, глиняные лица столетних стариков в белых одеждах, красные с золотом сари индийских женщин, величественно шествующих по пыльным улицам, храмы, утопающие в зеленых рощах, священный Ганг, по водам которого уплывают листья баньяна с огоньками зажженных свеч. Сказочная волшебная страна, подарившая ему столько счастья!

Хохломская игрушка, баба на лошади. Он вспомнил малиново-желтые интерьеры Георгиевского зала Кремля и напряженные лица чиновников, выстроившихся одной шеренгой, и как они одинаково улыбались, когда музыкантам вручали правительственные награды.

Павлинье перо! Он вспомнил роскошную оперную диву, стоящую на сцене концертного зала в бальном платье с огромным декольте, она никак не могла начать петь, хотя он несколько раз взмахивал дирижерской палочкой. Тогда он был готов запустить в нее, в это ослепительное белое декольте свою палочку, копье, если бы оно оказалось в руках. Но тут она улыбнулась, будто очнулась от сна, открыла рот и издала такие чарующие прекрасные звуки, что зал замер в восхищении. После концерта состоялся банкет, и он признался ей, что чуть не запустил в нее своей палочкой, тогда она засмеялась, вынула из сумочки и протянула ему красивое павлинье

перо. «На память», — сказала она по-русски с милым акцентом. Жива ли она? Встреча была так давно!

Взгляд его упал на обломок дирижерской палочки, лежащий на полке. Он смахнул его палкой поближе к себе. Взял в руку. И вдруг почувствовал себя сильным. И смелым. Почувствовал себя властелином этого города за окном. Вспомнил запах Черного моря, в котором когда-то купался. Запах индуистского храма, в который вошел когда-то на рассвете. Услышал плеск волн на Рижском взморье. Немолкающий шум столичного города, когда едешь по Садовому кольцу в час пик. Услышал ласковый голос сестры, зовущей его по имени. И певучий голос матери. Она говорила: «Ты думаешь, меня нет? Я жива, жива, я здесь, я с тобой. И по-прежнему очень люблю тебя!»

Он медленно поднялся с дивана, подошел к окну. Раздвинул шторы. На улице было светло, гораздо светлее, чем в комнате. Он увидел термос на столе, домработница иногда пила из него кофе, когда смотрела телевизор. Он достал из шкафа чашку, плеснул в нее кофе, выпил и сразу почувствовал себя бодрее. Взглянул на часы. Полдвенадцатого. Оставалось полчаса до репетиции. Он нашел в платяном шкафу вычищенный концертный костюм, оделся, накинул на плечи уютное пальто из верблюжьей шерсти, вышел из дома. На улице сразу поймал такси. Ехать было недалеко, всего два квартала. Без пяти двенадцать он входил через служебный вход в здание филармонии. И появился в зале — строгий, подтянутый, элегантный, в знакомом черном костюме, с твердым взглядом человека, знающего, что надо делать. Навстречу ему из-за дирижерского пульта поднялся его ученик, уже немолодой, лысеющий, изумленно уставился на него голубыми близорукими глазами.

— Будете репетировать, маэстро?

Он кивнул, встал за пульт, взял в руки дирижерскую палочку. Взглянул на ноты. «Героическая симфония» Бетховена. Он знал ее наизусть. Как и многое другое, чего не знал его ученик. Взглянул на музыкантов, метнувшихся к своим местам, зашелестевших нотами. Они смотрели на него преданно, они готовы были подчиниться первому взмаху его волшебной палочки. Он взмахнул. Зазвучали первые такты симфонии. Он снова был властелином. Он дирижировал. Он жил.

Иллюстрация Т. Касьяновой

Лесная наука

Петр Гелазония

Конечно, приятно радостное чувство удачи, когда возвращаешься домой не с пустой корзиной. Но когда вы отправляетесь в лес с детьми, первое, что вы должны почувствовать сами и передать спутникам: мы идем в лес. Да, так: не за грибами, а в лес. Оттенок, быть может, кому-то и покажется несущественным, но мы будем на нем настаивать. Одна философия у человека, который приходит к природе, как требовательный потребитель, и другая — у того, кто просто рад встрече с ней, а дары ее воспринимает именно как дары, как чудо и радость.

Практически из этого следует несколько важных вещей.

Пусть дети почувствуют жизнь леса. Растут деревья и травы, промелькнула в кустах чья-то тень (заяц?), прыгает с ветки на ветку белка, неумолчно стучит дятел... И грибы, эти странные создания, входящие неудалимым звеном в цепь природных событий.

Они нужны деревьям: грибница срастается с мелкими корешками дерева, и образуется единое целое — грибокорень. Это идет на обоюдную пользу: дерево дает грибу углеводы (ведь из-за отсутствия хлорофилла гриб сам их выработать не может), а получает от гриба азотистые и другие полезные вещества. Известный русский лесовод Г. Н. Высоцкий назвал грибокорень «оздоровительной заразой» — он подметил, что молодые дубки стали куда лучше расти в сообществе грибов.

Да и почвенный покров создается при теснейшем сотрудничестве грибов — вместе с микроорганизмами они ведут «первичную переработку» хвои, веточек, листьев, шишек, падающих на землю (а это до двух тонн на гектар!), готовя пищу для лесных растений.

Нужны грибы и животным — белочек и ежиков, запасающих на зиму сушеные грибы, дети успели увидеть в мультфильмах, а вот о том, что животные грибами могут лечиться, они, наверное, еще не знают (кстати, и современная фармакология обращает все большее внимание на лесные грибы как на источник целебных сил).

Поэтому первая строка в вашей грибной азбуке: не только для нас растут грибы; мы возьмем из леса совсем немного, а то, что нам не надо, оставим неповрежденным.

Когда видишь мухоморы, повергнутые на землю, раздавленные дождевики, валуи, набранные кем-то по жадности, а потом (чего зря тяжесть тащить — все равно некому с ними возиться) брошенные кучей на краю леса, не можешь не подосадовать, что в лесу побывали дикари. Кому мешали мухоморы? (Быть может, лишился теперь своего лекарства лось.) Не знаешь, что из дождевиков можно приготовить вкусное жаркое, — не тронь их: или кто-нибудь другой возьмет, более сведущий, или созреют

Петр Ильич Гелазония знал о грибах всё. Любил и умел собирать их. Был не «грибником», а скорее «грибоведом». Сейчас, наверное, назвали бы его «грибным фанатом» — фанатом «тихой охоты», а не только грибной кулинарии, хотя он очень любил грибные блюда и рецептов знал великое множество.

Это сейчас все просто: выезжают на автомобилях в знакомые места, забивают багажники грибами и потом разгружаются прямо у подъезда. А Петр Ильич выезжал на последней электричке в Можайск (там, за 100 км от Москвы, были его любимые места), ждал на вокзале первого автобуса и ехал туда, где знал каждую березку, каждую елочку. Рассказывать мог часами: как на опушке какой-то березовой рощицы находил по 40–50 белых на одном месте, делился секретами, в каком лесу на какие грибы надо настраиваться, утверждал, что вдоль лесной дороги можно набрать полную корзину и что за белыми не надо уходить вглубь леса. «Самое досадное, — говорил он, — это когда корзинки полные, класть некуда, да и до дома не дотащить (автобус, электричка, метро), а день только начался»...

Сегодня мы публикуем в память о Петре Ильиче некоторые его заметки.

они, распространив миллионы спор на пользу будущему своему урожаю. Не хочешь хлопотать с валуями — действительно, вымачивать надо, дело долгое, так не жадничай, бери только то, что тебе в самом деле необходимо. Не губи грибы!

Вообще — будь осторожнее, бережнее со всем, к чему прикасаешься. Не выковыривай из подстилки мелкие грибочки — пусть, когда они подрастут, соберут их другие, зато ты не рискуешь повредить нежную грибницу.

По возможности надо и помогать лесу и грибам. Вы срезали чудесный с виду боровик, а он оказался червивым (точнее, сидят в нем личинки грибных мух). Не бросайте беднягу в сердцах на землю (так он просто сгниет) — наколите его на веточку. Гриб высохнет, а споры его разнесет ветер...

Мало уважать лес. Надо постараться его понять. Грибная наука в собственном смысле слова начинается с того, что уясняешь себе простые истины.

На солнце гриба летом не ищи, гриб — дитя тени; чаще, значит, найдешь его с северной стороны дерева. (Кстати, повод лишний раз обратить внимание ребенка на приметы сторон света: «С какой стороны у дерева больше ветвей? С какой стороны на сосне выступает смола? С какой стороны толще годовичные кольца на срезах пней? С какой стороны муравьи свой дом устроили? — Правильно, с южной; а вот мох и лишайники север любят».)

Для нас просто, а для ребенка новость: оказывается, разные грибы предпочитают разные деревья. На первый раз достаточно будет, если он примет во внимание сами названия грибов. И уж потом откроет для себя, что подосиновик не только под осиной растет. Прямо скажем, что здесь важны именно личные открытия.

Далее, пусть усвоит ваш маленький спутник, что жизнь грибов тысячами нитей сцеплена с погодными условиями. Начинается сушь — и грибница замирает, не плодоносит. Ходишь, ходишь по любимым местам — только обгоревшие ягоды лесной земляники попадают на глаза... И вот тут стоит сообразить, что, быть может, в соседней низине (где отродясь — на твоей памяти, разумеется, — ничего не водилось, так там сыро) солнце не выпило всю влагу. И точно — в заболоченном мелком березняке растут подберезовики в это сухое лето!

Сырое лето — не ищи под самыми деревьями грибы, они «на отскочихе» растут, на полянке, там потеплее. Жаркое лето — к коплю дерева жмутся, под лапами елочек прячутся.

Это и есть «лесная наука». И пройти ее надо своими глазами и своими ногами. И родится в результате не просто знание того, где и когда что-то растет, — родится настоящее, прочувствованное понимание сложности, сплетенности и целесообразности лесной жизни.

Всем грибам полковник

В «войне грибов и ягод» генералов не водится, так что боровик-полковник оказывается главным над всеми. Использование белого гриба весьма разнообразно — его можно варить и жарить, солить и мариновать, сушить, замораживать, обращать в порошок, запекать в пирог, даже есть сырым, наконец. Но мы отдали бы предпочтение именно сушеным грибам: при сушке они приобретают крепчайший, ни с чем не сравнимый аромат, сообщаемый ими любому блюду, к участию в котором их привлекают.

Для сушки годятся только свежие и крепкие грибы. Их не моют, но тщательно очищают (лучше кисточкой) от земли и песка, листьев и хвои. Ножки срезают в 2 см от шляпки, сушат их отдельно, нарезав на поперечные дольки. В домашних условиях грибы можно высушить на солнце (это возможно только в жаркое солнечное лето), в печи (у вас есть русская печь?), подвесив над горячей плитой на нитке, в духовке (это, пожалуй, самое подходящее). При всех способах сушки грибы сначала проявляют при температуре 40–50 градусов в течение 2–3 часов, а затем досушивают при температуре 60–70 градусов. Грибы считаются просушенными, если они слегка гнутся и легко ломаются, но не крошатся. Пересушенные грибы потом не удастся размягчить, они не развариваются. (Такие грибы зовут сухарями и звонками.) Впрочем, их можно использовать для приготовления грибного порошка: истолченные в ступе или перемолотые грибы просеивают, пересыпают в стеклянную посуду с широким горлом, очень плотно закупоривают и ставят в сухое место. Грибной порошок хорош для приготовления соусов.

Вот несколько рецептов блюд из белых грибов.

Грибы в соусе из хрена

На 4 порции: 500 г свежих грибов, 5 яичных желтков, 125 г сметаны, 6 столовых ложек хрена, кусочек сахара, соль и лимонная кислота по вкусу.

Молодые грибочки отварить в подсоленной воде, откинуть на дуршлаг. Яичные желтки растереть со сметаной, добавить натертый хрен, сахар и лимонную кислоту. Этим соусом залить вареные грибы.

Суп из сушеных грибов с рисом

На 4 порции: 30 г сушеных грибов, 40 г топленого масла, 80 г репчатого лука, 120 г риса, четверть чайной ложки черного перца, 2 чайные ложки зелени петрушки.

Грибы тщательно промыть, залить водой и варить 1,5–2 часа. Полученный отвар развести водой до 1 л, а грибы мелко нашинковать, положить их в отвар, добавить промытый рис, пассированный мелко нашинкованный лук, соль, перец и варить до готовности. При подаче на стол посыпать зеленью.

Грибной шницель

На 4 порции: 3 шляпки сушеных грибов, 2 столовые ложки риса, четверть яйца, 3 чайные ложки масла, 2 чайные ложки сухарей, половина головки лука, соль и перец по вкусу.

Грибы промыть и замочить в холодной воде на два-три часа, затем в той же воде сварить. Вынуть грибы шумовкой, вновь промыть, отжарить с репчатым луком и два раза пропустить через мясорубку. Добавить вязкую рисовую кашу, яйцо, перец и хорошо перемешать. Массу разделить на лепешки овальной формы, запанировать в сухарях и обжарить. При подаче на стол полить маслом.

Фото
С. Парсаданяна

Клод Лоррен

- 1600.** В Лотарингии, в небольшом городке Шамань, в крестьянской семье родился сын Клод. Его отец носил фамилию Желле. Став художником, Клод подписывает свои картины прозвищем — Лотарингец (по-французски — Лоррен). С детства увлечен рисованием. Приезжает во Фрайбург к старшему брату, граверу по дереву, учится его ремеслу.
- 1614.** Договаривается с одним из родственников, который отправляется по своим торговым делам в Италию, взять его с собой. Его манит образ страны, которую называют родиной художников. В Неаполе поступает в услужение то к одному художнику, то к другому. У Фридриха Вельса учится перспективе и архитектуре, у Агостино Тасси — пейзажной живописи.
- 1618–1620.** Вместе с Тасси работает в Неаполе, затем в Риме, выполняя декоративные работы.
- 1625–1627.** Возвращается во Францию, в родную Лотарингию. В Нанси расписывает фресками своды церкви, пишет пейзажные фоны для придворного художника герцога Лотарингского. Современники писали, что Лоррен был человек поэтического склада и возвышенных чувств. Он был очарован Италией, праздничным торжеством южных пейзажей. Никакого сравнения со скромными картинами родной земли. Ему снилось небо Италии.
- 1627.** Лоррен снова в Риме. Он поселяется здесь уже навсегда. Италия становится его вторым отечеством. Он получает заказы на пейзажные фрески, расписывая палаццо Мутти и Крешенци, выполняет декоративные работы, но все больше его увлекает пейзажная живопись.
- 1629.** Этим годом датируется его первая подписная картина «Пейзаж со стадом и крестьянами». Впоследствии он повторил этот пасторальный сюжет. Его живопись имела успех у современников — она была приятна для глаз, могла согреть в пасмурный день.
- 1633.** Лоррен становится членом Академии Святого Луки. Через несколько лет ему предложили место ректора Академии, но он отказался, предпочитая все свое время отдавать живописи. Он входит в клуб «Перелетных птиц» — содружество иностранных художников, проживающих в Риме. Самая тесная дружба связывает его с Никола Пуссеном, перед знаниями и мастерством которого он преклоняется. Легенды рассказывают, как ранним утром Пуссен в окружении свиты друзей, среди которых непременно был Лоррен, отправился на прогулку. Шла неторопливая беседа об искусстве, мысли Пуссена, человека большой образованности и кругозора, поражали своей ясностью и глубиной. Нередко Пуссен вместе с Лорреном отправлялись на этюды в окрестности Рима. Их пейзажи называли «сочиненными», написанными по определенным правилам искусства классицизма. Долго живший в Италии Павел Муратов заметил в своей книге «Образы Италии», что правила эти соотносились с особенностями итальянского пейзажа. «Стоит выйти за любые ворота Рима, чтобы во все стороны открылись прекрасно составленные картины. Эта природа всегда подчинена законам идеальной композиции. Живописные руины, деревья, расположенные в виде кулис, богатое разнообразие планов, чистые линии гор, замыкающие горизонт, — все эти черты пейзажей Пуссена и Клода подсказаны здесь действительностью. Насыщенные тона зелени и коричневатой земли, золото, светящееся в белых облаках, и глубокая влажная

синева неба не столько созданы художниками, сколько найдены ими».

Своими этюдами Лоррен не дорожил. Но они сохранились и дают возможность заглянуть в лабораторию его творчества. Он стремился к передаче сложностей освещения в различные часы, изменений в природе, которые происходят в разное время суток. Небо, залитое оранжевым тоном заката, отсветы зари на воде и зелени, освещение раннего утра, золотистые тона неба и тающие на горизонте очертания гор... Живые впечатления не становятся самоцелью. Они подчиняются закономерностям общего замысла, строгим композиционным правилам. Его картины вызывали ощущение умиротворения, казались воплощением мечты.

1636–1637. К Лоррену приходит широкая известность. Его картины покупает французский посол в Ватикане, семь пейзажей заказывает испанский король. Теперь они являются украшением музея Прадо.

Художник снимает трехэтажный дом в Риме, недалеко от площади Испании, по-видимому, рассчитывая обзавестись большой семьей, но так ею и не обзавелся. Почти через два столетия в одной из квартир этого дома поселился русский художник Кипренский, у которого также личная жизнь сложилась довольно несчастливым.

1648. Для французского заказчика выполняет один из известнейших своих пейзажей «Отплытие царицы Савской» (**репродукция**), находящийся в Лондонской Национальной галерее. На первом плане свита, сопровождающая царицу к лодке, на которой она переправится на стоящий в отдалении корабль. Эта группа мало интересует художника, фигуры людей мелкие, мало различимые. Биографы уверяют, что Лоррен не умел писать людей и поручал их изображение ученикам или помощникам. Главное — идиллический пейзаж, где в перспективе море сливается с небом. А в качестве кулис руины дворца с одной стороны, а с другой — колоннада палаццо, украшенного скульптурой, башни крепости — фантастическая величавая архитектура, вызывающая ностальгические чувства.

Многие полотна художника написаны на сюжеты из библейской или древней истории или жития святых: «Пейзаж с Энеем в Делосе», «Погребение Святой Серафимы», «Отплытие Святой Паулы». История — это предлог для привлечения внимания. И в то же время прием создания настроения, когда чувства зрителя настраиваются на высокий лад.

1682. Лоррен умирает. Похоронен в Риме.

Его называли Рафаэлем ландшафной живописи. Его слава не меркла в веках. Любили его и в России. Достоевский в своем романе «Подросток» устами своего героя Версилова рассказывает о впечатлении, которое произвела на него картина Лоррена «Асис и Галатея», увиденная им в Дрезденской галерее. Он видит эту картину во сне: «...уголок греческого Архипелага, причем и время перешло за три тысячи лет назад; голубые ласковые волны, цветущее побережье, волшебная панорама вдаль, заходящее зовущее солнце — словами не передашь. Тут запомнил свою колыбель европейское человечество, и мысль о том как бы заполнило и мою душу родною любовью. Здесь был земной рай человечества: боги сходили с небес и рождались с людьми... Золотой век — мечта, самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить и не могут даже и умереть».

Впечатление от картины Лоррена сливается с мечтой о «Золотом веке», об учении утопистов, о собственной молодости, о трагедии европейской цивилизации — это одно из сильнейших художественных переживаний Достоевского.

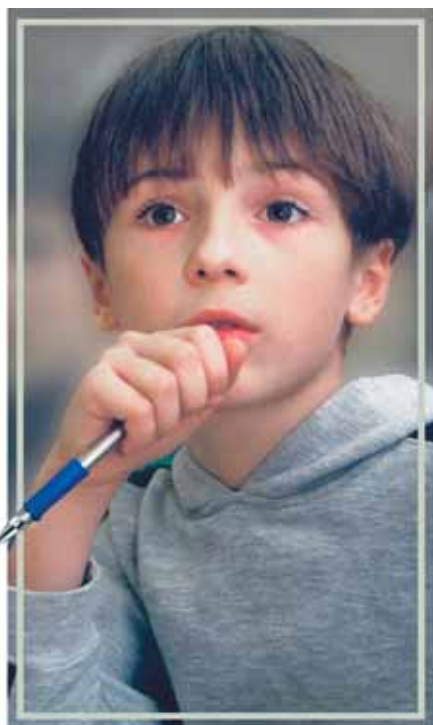
Лия Осипова

7я семья и школа

Читайте журнал «Семья и школа»!

Это журнал
о вопросах жизни и воспитания.
Он нужен и педагогам,
и родителям,
и взрослеющим детям.

Продолжается подписка на «Семью и школу» на 2012 год

В любом отделении связи
вы сможете оформить подписку на журнал
по одному из следующих индексов:

70909 (подписка на первое полугодие) и
72372 (годовая подписка) — Агентство подписки
и розницы, оформление по Объединенному каталогу
«Пресса России»;

70906 (подписка на первое полугодие) и
83335 (годовая подписка) — Агентство «Роспечать»,
получение журнала бандеролью, оформление по ка-
талогу «Роспечать»;

99351 (подписка на первое полугодие) и
11387 (годовая подписка) — Межрегиональное
агентство подписки,
оформление по каталогу
«Почта России».

Познакомиться с журналом
можно, заглянув на сайт:
mag7a.narod.ru

Оформление подписки через редакцию:

- необходимо распечатать и разборчиво заполнить подписной бланк (http://mag7a.narod.ru/7a_kvrit.doc);
 - оплатить подписку в любом банке;
 - копию квитанции об оплате прислать в редакцию по почте, передать по факсу (495) 683-8614 или сообщить данные по электронной почте: mag7a@narod.ru.
- Отправка журнала осуществляется простой бандеролью в течение трёх дней с момента выхода журнала.